

**Гражданская война в освещении П. Н.
Милюкова
Сергей Петрович Мельгунов**

(По поводу «Россия на переломе»)
Критико-библиографический очерк

От автора

В основу этого очерка лег доклад, прочитанный в парижском и берлинском академических союзах. Аполитичность этих организаций до некоторой степени определила характер доклада – я старался держаться преимущественно в пределах критико-библиографического рассмотрения нового труда П. Н. Милюкова «России на переломе». При печатании своей критики, не изменяя по существу характера изложения, я все же чувствовал себя несколько более свободным.

15 января 1929 г.

I. История или воспоминания

«Эпиграфом к Истории я бы написал: «Ничего не утаю. Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно – умалчивая».

Из дневника Толстого.

Эту запись Л. Н. Толстого я без колебаний ставлю эпиграфом к разбору истории гражданской войны, написанной П. Н. Милюковым, ибо фигура умолчания является одной из характеристических черт нового исследования нашего знаменитого историка.

Гражданской войне или «антибольшевицкому движению» посвящен весь второй том, вышедшей в 1927 г. книги П. Н. Милюкова «Россия на переломе». Книга Милюкова о «большевицком периоде русской революции», непосредственно примыкающая к более раннему его очерку февральской революции, первоначально вышла на немецком языке под заглавием «Russlands Zusammenbruch».

(на нем. «Russlands Zusammenbruch» означает – «Развал России»!?!; точнее было бы перевести «Russland im Umbruch»- «Россия на переломе»; ldn-knigi)

О немецком издании мне пришлось писать в «Голосе Минувшего». Отдавая должную дань «всеобъемлемости и разносторонности знаний исследователя и отмечая большую ценность его труда в целом, я указывал на необходимость при издании книги на русском языке «внимательно просмотреть главу о гражданской войне, написанную слишком наскоро» – мною были приведены и примеры весьма существенных, по моему мнению, «неточностей», допущенных историком.

При современном состоянии материалов по истории русской революции, писать эту историю в полном объеме просто еще нельзя – по некоторым отделам материал отсутствует; по другим он подлежит критической проверке. Источником нашего познания являются часто только мемуары. Между тем, самому добросовестному мемуаристу не всегда нужна полнота фактов и скрупулезная их точность, ибо мемуарист трактует события под углом зрения пережитых им настроений и сделанных им лично наблюдений.

В свое время я готов был даже отчасти приветствовать («На Чужой Стороне» № 7) П. Н. Милюкова за то, за что его упрекало большинство критиков, видевших в его «Истории Революции» односторонность и субъективность мемуариста (Так М. В. Вишняк видел в «Истории революции» Милюкова историю и философию участия в революции к. – д.

партии.). Сам автор говорил тогда про себя, что он не хотел быть «только мемуаристом, добровольно отказался от некоторых преимуществ мемуарного изложения, чтобы тем приблизить к выполнению задачи истории». И все-таки автор в значительной степени оставался мемуаристом, и мне казалось даже достоинством то, что он не пытался в истории изменить свое умонастроение в период революции: он ретроспективно, за небольшим исключением, не ретушировал своих взглядов, что для мемуариста, конечно, является наиболее важным.

Гражданская война представляет для изложения еще большие трудности, ибо ее последствия для наших дней не перебрали в сознании борющихся и борющихся политических группировок – это в значительной степени живая современность.

Между тем, П. Н. Милюков при работе над книгой «Россия на переломе» отказался от метода давать мемуары, облеченные в форму исторического повествования.

Он захотел быть только историком или, во всяком случае, желал, чтобы историк стоял на первом месте по сравнению с политиком: «историк, а не политик преобладает в этой книге» – говорит автор в предисловии к немецкому изданию своей книги.

«Только недоразумением можно объяснить утверждение г. Неманова в «Последних Новостях» (13 февраля) – писал я в отзыве на немецкое издание книги П. Н. Милюкова, – что последний в своем труде выступает не как политически деятель, а как историк и исследователь. Действительно, книга написана «без гнева и пристрастия» с внешней стороны, но, быть может, это объясняется скорее писательским темпераментом нашего историка, чем бесстрастным восприятием недавнего прошлого (По утверждению г. Неманова книга написана в высшей степени объективно.). П. Н. Милюков вообще слишком активный политик для того, чтобы быть историком революции; при том это политик прямолинейный до крайности, несмотря на все свое тактическое искусство; политик, живущий настроением сегодняшнего дня и забывающий очень скоро и основательно свои настроения дня вчерашнего. Творец так называемой «новой тактики» и ярый неофит «республиканско-демократической» идеи в эмиграции, проявляется в каждой странице нового исследования – с точки зрения этой новой своей тактики, в сущности, пересматривает он прошлое.

Допустим, что так именно и надо теперь смотреть на наше недавнее прошлое, такие именно уроки и надо выносить из его изучения. Но ведь другой может по иному взглянуть на былые переживания – и потому в

историческом повествовании приходится требовать прежде всего и возможной полноты, и возможной точности в изложении фактов... Факты сами по себе остаются фактами, как ни разны они понимаются в исторических исследованиях, по неизбежности всегда субъективных. Индивидуального толкования не избежать даже в работах, которые не затрагивают столь жгучих для современности вопросов, как революция. Возможная полнота фактов, их точность, по моему мнению, отличает только историческое повествование от публицистики».

Моя оценка труда П. Н. Милюкова в общем совпала с позднейшей оценкой русского его издания, данной А. А. Кизеветтером в газете «Сегодня». «Самой сильной по остроте анализа, выпуклости изображения частью этого труда – писал Кизеветтер – нужно признать главы, посвященные основам большевицкого властвования, приемам, методам и задачам внутренней и внешней политики большевиков... Здесь то Милюков является во всеоружии своего таланта историка-аналитика». Действительно, превосходит у Милюкова анализ коммунистической партии, национального вопроса и советского союзного государства – федеративной конституции. «Но напрасно он – добавляет Кизеветтер – самообольщается уверенностью в том, что на время писания этой работы политик в нем умер. Политик не только не умер, на некоторых страницах... он властно заявил свои права и заставил историка перед собой посторониться».

Но дело не в том, что политик заговорил в авторе, а в том, что этот политик освещает прошлое исключительно со своей современной, уже изменившейся точки зрения, не считаясь подчас, как мы увидим, даже с фактами. Следовательно, он повинен не в одном только умолчании. Из песни слова не выкинешь. П. Н. Милюков не только действующее лицо, но и один из дирижеров в трагических событиях последнего десятилетия нашей истории. «Я творил историю» – гордо как то сказал Меттерних: «вот почему я не имел времени ее писать». П. Н. Милюков обладает счастливой возможностью не только «творить историю», но ее и описывать. «Если где-нибудь в этих событиях проявлялась моя личная роль... и она, конечно, подлежит суждению истории» замечает в предисловии к русскому изданию автор. Здесь то и получается щекотливое положение – оценивать роль политика Милюкова приходится самому Милюкову-историку. «Духовное естество писателя, по образному выражению Кизеветтера, не апельсин, который по желанно можно разрезать на отдельные половинки». Естество П. Н. Милюкова еще сложнее, ибо политик-Милюков в 1921–27 г. г. совершенно не разделял

взглядов Милюкова-политика 1917–1918 г. г. Осудить сам себя историк не мог, поэтому предпочел многое замолчать. Вот почему политикам писать историю революции трудно – им следует ограничиваться скорее мемуарами, хотя бы и в форме исторического повествования. П. Н. Милюков, как это ни странно, думает по другому: он полагает, что для воспоминаний «время еще не наступило»...

В предисловии к русскому изданию своей книги П. Н. Милюков так выразился по поводу моих критических замечаний:

«Страстный тон, свойственный этому историку-публицисту, в соединении с теми политическими тенденциями, выразителем которых он является в последнее время, сильно помешали объективности его суждений».

П. Н. Милюков не привел ни одного примера, на основании которого можно было бы уяснить себе, в чем именно проявилась пристрастность моего суждения в зависимости от моих современных «политических тенденций» (Приходится оговориться: мои «современные политические тенденции» ни на йоту не отошли от тех тенденций, который характеризовали мою политическую позицию в момент захвата власти большевиками. В период гражданской войны у многих происходила эволюция, отражавшаяся на восприятии жизненных фактов той эпохи. Сам факт иногда заставлял людей эволюционировать. Такими главнейшими этапами были события: 1) октябрьский большевицкий переворот, 2) омский переворот 18 ноября, 3) неудача белого движения, 4) эмигрантское бытие. Плохо или хорошо – это другой вопрос, – но я остался в своей позиции неизменен.).

«. . .Я всегда старался говорить языком фактов», – продолжает автор. «В этой области С. П. Мельгунов смог указать только мелкие и второстепенные «неточности», которые, если и признать их таковыми (кур. мой), ровно ничего не меняют в общей картине».

Эти указания и побуждают меня, пользуясь уже русским изданием, несколько подробнее остановиться на «неточностях» в исследовании П. Н. Милюкова (В. А. Мякотин в своей большой рецензии на русское издание «Россия на переломе», напечатанной в тех же «Последних Новостях» (5 мая 1927 г.) отмечает, что «издавая «Russlands Zusammenbruch» на русском языке, автор использовал вновь появившиеся материалы и подверг текст настолько значительной переработке, что в результате ее получилась в сущности новая книга». Здесь – прямое недоразумение, во всяком случае в отношении тома, посвященного гражданской войне: текст, кое где дополненный, по существу остался неизменным. В. А. Мякотин, считая,

что П. Н. Милюков в своем изложении «в общем сохранил тон и метод историка», делал однако оговорку: «последнего нельзя сказать о заключительных главах данного тома, в которых автор говорит о русской эмиграции и о существующих в ее среде политических течениях... Здесь автор.., выступает не столько как историк, сколько как публицист, стремящийся выдвинуть свою политическую группу за счет всех остальных».).

Для иллюстрации методов работы П. Н. Милюкова буду останавливаться на отдельных фактах, тем более, что сам автор исследования признает в данном случае, когда приходится иметь все время дело с положением, продолжающим вызывать самые горячие споры . . . «особенно важно заставить говорить факты самих за себя».

П. Н. Милюков противопоставляет моему отзыву рецензии С. Н. Прокоповича – главным образом на экономическую часть «России на переломе» (третий том русского издания): «эта рецензия тоже довольно строга ко мне; но за этого рода строгость я могу быть только благодарен. Не со всеми замечаниями критика я могу согласиться, но во всяком случае все его компетентные указания и поправки будут приняты во внимание при пересмотре материала третьего тома» Мне кажется, что противопоставление это сделал П. Н. Милюков главным образом потому, что Прокопович в противоположность мне признал наиболее удачной как раз часть труда, посвященную так называемому белому движению. Не думаю, что С. Н. Прокопович достаточно компетентен в сфере установления весьма спорной, полной контroversов, фактической стороны гражданской войны – это выходит как будто бы за предел его специальных занятий. С. Н. Прокопович в данном случае, судил о труде Милюкова, как политик, весьма отрицательно относившийся к антибольшевицкой вооруженной борьбе. Что же касается экономических глав труда П. Н. Милюкова, то здесь суждение Прокоповича действительно довольно строго: он считает главы о советском хозяйстве неудачными и поверхностными – они полны фактических ошибок. Поверхностны, по мнению Прокоповича, и объяснения причин русской революции, лежащих в глубине социально-классового строения дореформенного общества.

Вернее, этих причин совсем нет в труде П. Н. Милюкова (Имею в виду его труд о февральской революции.), ибо милюковская история революции лишь с большими оговорками может быть названа историей. (Первые две главы в «России на переломе» посвящены февральской революции и октябрьскому перевороту). Если Олар в своей истории французской революции в предисловии к русскому изданию сделал

пояснение: «я хотел бы, чтобы мои русские читатели не забывали, что это не вся история революции, что это даже не полная ее политическая история, а лишь картина тех превратностей, через которые прошла республиканская и демократическая партия во Франции в эпоху революции и консульства» – то еще в меньшей степени политической историей революции является труд П. Н. Милюкова. «Это только осколок революции – изображение борьбы партий в центре. России в целом нет в истории Милюкова, нет там народа, тех масс, которые все же до некоторой степени определяют развертывание событий. Поскольку речь идет об органах так называемой революционной демократии, то и здесь, в сущности, мы встречаемся лишь с партиями» (из моего отзыва на «Историю Революции» П.Н. Милюкова, № 7 «На Чужой Стороне»).

II. Схема гражданской войны

Можно было бы высказать немало замечаний по поводу общей точки зрения автора на русскую революцию и, вслед за С. И. Штейном («Руль» № 1947), отметить «странные непоследовательности» и «противоречия», которыми «полна» книга Милюкова. Я ставлю себе более узкую задачу подойти к тексту П. Н. Милюкова со стороны рассмотрения фактов, на основе которых делаются те или иные историософические построения, и притом касаясь почти исключительно страниц, посвященных гражданской войне.

И та историческая схема, которую начертил Милюков для гражданской войны, прежде всего находится в противоречии с фактами.

В. А. Мякотин в своем отзыве, поставил в заслугу автору установление этой схемы – он писал: «речь может идти о написании не истории данного периода (для этого, и по мнению В. А. Мякотина, «не имеется еще достаточного количества необходимых источников»), а разве лишь первоначального наброска такой истории, об установлении ее схемы.

И если с этой единственно возможной и правильной точки зрения подойти к указанной части книги П. Н. Милюкова, то надо признать за нею очень большое и серьезное значение... Можно оспаривать те, или иные положения этой схемы, можно дополнять и исправлять ее, но самый факт ее установления важен и для современных читателей и для будущих исследователей. И заслуга автора в этом отношении тем больше, что в своем изложении он в общем сохранил и тон и методы истории». Мне не совсем понятно, почему В. А. Мякотин придает такое большое значение «схеме», якобы установленной Милюковым. Сама по себе «схема» прошла у всех на глазах, «схему» установить не трудно после труда А. И. Деникина, легко даже вложить в нее конкретное содержание. И весь вопрос, следовательно, в том, насколько отдельные части схемы П. Н. Милюкова соответствуют действительности, то есть, насколько не насилуются факты для установления чисто искусственной, придуманной теоретиком или практическим политиком схемы прошлого. Правильная перспектива, – это основа, а не деталь всякой исторической работы.

П. Н. Милюков предупреждает своих читателей, что он говорит «не только о «белом» движении в узком смысле, но об антисоветском движении вообще, как о совокупности всех входящих в это движение элементов и тактики». Далекое не всегда такое распространительное толкование может быть принято для текста книги, ибо многие явления

автором совсем обойдены – и все его внимание сосредоточено на том движении, которое вошло уже в историю с неудачным именем «белого движения». (П. Н. Милюкову правильнее было бы сказать, что он имеет в виду вооруженное антибольшевицкое движение). Но допустим, что этих существенных пробелов нет.

По схеме автора в ряды организованных и активных борцов вступили лишь элементы более сознательные или заинтересованные лично, как члены своего класса, в удалении советской власти. Те и другие элементы были перемешаны в движении с самого начала. Но с течением времени реалистические соображения классового интереса выдвигались постепенно вперед перед идеологическими соображениями государственной и народной пользы. В составе «антибольшевицкого движения», по мнению автора, можно, таким образом, различать:

1) элемент военных, 2) представителей старой бюрократии и старого привилегированного класса, 3) правые политические течения, 4) левые политические течения, 5) окраинное население.

Естественно прежде всего задать автору вопрос: к которой из перечисленных рубрик следует отнести крестьянство? Что же оно не боролось с большевизмом? Автор во всей своей книге не упомянул об антибольшевицком крестьянском движении. А в действительности нельзя было найти в Совдепии района, где не было бы за эти годы восстания. Он умолчал – что совершенно непостижимо – о знаменитом антоновском восстании, захватившем с августа 1920 г. по осень 1921 г., в сущности, несколько губерний (Тамбовскую, Воронежскую, Саратовскую, Рязанскую). Восставшие крестьяне имели нечто на подобие регулярной армии, насчитывавшей более 20.000 человек. Против этой армии большевики вынуждены были создать свой внутренний фронт под началом небезызвестного Тухачевского. Историк ничего не знает и о крестьянских восстаниях 1918–19 г. поскольку они были направлены против большевиков, а не против генералов-диктаторов. В действительности, это были подчас кровавые восстания, сопровождавшиеся еще более кровавыми усмирениями. Материалов в этой области не так много, но они все же имеются и довольно доступны для использования. Достаточно было П. Н. Милюкову просмотреть хотя бы книгу Лациса «Два года борьбы на внутреннем фронте»: даже Лацис с января 1918 г. по июнь 1919 г. исчисляет 340 крестьянских восстаний (Конечно, далеко не соответствует действительности утверждение С. Н. Прокоповича («Посл. Нов.» 5 сент. 1925 г.), будто бы «в первые годы они (т. е. крестьяне) ограничивались протестами против продразверстки и реквизиции, в последующие –

прибавили к этому лозунги: свободные выборы в свободные крестьянские советы» (См. у Лациса, у Веры Владимировой «Год на службе социалистов капиталистам» – здесь использованы материалы Комис. Вн. Дел, и Лелевича «Срекопытовщина» (1924 г.)).

Не слышал автор и о партизанском движении. Огромное партизанское движение на Украине даже не упомянуто.

Отсутствует у Милюкова и рабочий класс – очевидно, в перечисленные выше шесть рубрик он не попадает. Надеюсь, автор не будет отрицать, что и в рабочем классе были антибольшевицкие элементы и антибольшевицкие движения. Были чисто рабочие восстания с оружием в руках, кончавшиеся тысячами рабочих гекатомб. Могу отослать автора хотя бы к своей книжке о красном терроре, где попутно указана соответствующая литература...

Перейдем к самой «схеме». П. Н. Милюков различает четыре периода в антибольшевицком движении (обратим внимание – не в «белом», а именно в «антибольшевицком» движении).

1. Подготовительное движение – между февральской и ноябрьской революцией (мы привыкли последнюю революцию называть октябрьской правильнее называть ее, однако, переворотом), когда происходила «дифференциация общественных группировок за и против революции вообще и большевиков в частности».

2. Первоначальный период, когда «антибольшевицкие и антиреволюционные элементы действуют вместе внутри России» (25 октября (7 ноября) 1917 г. до 18 ноября 1918, т. е. до переворота в Омске)».

3. Период разрозненной борьбы – совпадает с иностранной интервенцией 1919–1920 г. г. и борьба «носит по преимуществу вооруженный характер» (?!).

4. Разбитое в России противобольшевицкое движение переносится за границу и «приобретает здесь политический и эмигрантский характер».

Четвертая рубрика вызывает полное недоумение: что же, с 1920 г. в России не было антибольшевицкого движения? Оно не только было, но иногда носило и вооруженный характер.

Для еще большей отчетливости П. Н. Милюков на первых страницах указывает и причины неудачи антибольшевицкого, «в частности белого и еще более в частности реакционного движения». Первая причина – в тот период, когда движение еще было едино, «оно не было своевременным» и в достаточной «степени поддержано союзниками». «В этот период – добавляет автор отношение населения к борьбе еще не играло решающей роли, ибо спор мог быть решен силой даже и при пассивности населения».

В следующем периоде «все ярче выступает действие нового фактора: сперва равнодушного, а потом и враждебного отношения населения к антибольшевицкому движению». Как однако помирить столь категорическое суждение с тем несомненным фактом, что именно в эти годы развилось широко повстанческое и антибольшевицкое крестьянское движение? Очевидно, это не может быть отнесено только к «белому» движению в узком смысле слова.

Третья причина – усиление реакционного элемента в «белой» армии.

Четвертая – отрицательное отношение белых армий к национальным вопросам.

Пятая – «недостаточно искусное военное руководство».

Можно указать много и других причин, обусловивших неудачу антибольшевицкого движения. Я лично считаю одной из важнейших то обстоятельство, что большевики могли пользоваться всеми преимуществами (психологическими, техническими, материальными) своего нахождения в центре в то время, как антибольшевицкое вооруженное движение образовалось на окраинах и должно было создавать заново весь правительственный и техническо-военный аппарат. Население этих окраин к тому же не ощущало в достаточной мере гнета большевицкого ярма и легче поддавалось коммунистической демагогии. Разбушевавшуюся стихию народных страстей не так легко было вообще ввести в русло какой бы то ни было государственной жизни. П. Н. Милюков почти игнорирует последнее обстоятельство – как бы неизбежное последствие разыгравшейся революционной бури: даже о движении Махно он говорит вскользь, всего лишь в нескольких строках.

Надо сказать, что в книге Милюкова поражает совершенно исключительно неравномерное распределение частей.

Второстепенным событиям на Дальнем Востоке в период после-Колчаковской, т. е. в момент уже ликвидации в Сибири гражданской войны – так сказать эпилогу – посвящается 21/2 листа, а Сибири при Колчаке всего 2 листа. Основному моменту в гражданской войне – и с точки зрения самого историка, который омский переворот 18 ноября 1918 г. считает поворотным пунктом – периоду Уфимского совещания и Директории отводится едва ли 1/2 страницы. Не больше посвящено деятельности Политического Совещания в Париже. Только несколько страниц отдает историк рассказу обо всех общественных течениях и противобольшевицких действиях в первую половину восемнадцатого года. В истории «антибольшевицкого движения» историк не считает нужным назвать даже имен Канегиссера и Каплан (самые акты покушения на

Урицкого и Ленина упомянуты в одной строке в главе о терроре в первом томе). Нельзя в истории промолчать о московском восстании левых с. – р. летом 1918 г., как это делает Милюков. Не знаю, упомянуто ли где либо об убийстве Мирбаха, но во всяком случае старательно обойден П. Н. Милюковым вопрос о поддержке, которую фактически оказывали немцы большевицкой власти после брест-литовского мира. Вскользь упомянув о важном для характеристики общественных позиций Ясском совещании в ноябре 1918 г., П. Н. Милюков обходит молчанием все южнорусские переговоры существовавших политических группировок. Деятельность савинковских организаций на польско-русском фронте даже не упомянута и т. д.

Таких пропусков много. И, быть может, из этих умолчаний вытекают и некоторые неясности в изложении П. Н. Милюкова.

Итак, первый период борьбы с большевиками П. Н. Милюков характеризует, как период борьбы «общим фронтом». Дело в изображении Милюкова рисуется таким образом: «К попытке Москвы оказать вооруженное сопротивление перевороту большевиков массы не примкнули. В Москве сражались за русскую государственность пять тысяч юнкеров, студентов и прапорщиков. Солдаты и рабочие были на стороне большевиков, а городское мещанство не выставило никакой национальной гвардии на помощь сражавшимся. Социалистическая дума вела себя почти нейтрально (курс. мой). Это был зловещий прогноз того, что будет с антибольшевицким движением в дальнейшем. Однако, победа большевиков и первые же их действия образумили расколовшихся противников. Разрозненные части антибольшевицкого фронта, не сумели объединиться вовремя, пытались сойтись после поражения для совместной борьбы. Это единение, довольно непрочное, длилось в течение года после большевицкого переворота».

Автор отсылает читателя к своей «Истории революции», где можно найти более подробное изложение событий и настроений этого времени. Изложение октябрьских дней в «Истории» П. Н. Милюкова может вызвать ряд возражений (некоторые замечания мною были сделаны, напр., в отзыве, напечатанном в «На Чужой Стороне»). Однако, в этой «Истории» нет категорического заявления, что «социалистическая дума (в Москве) вела себя почти нейтрально». Это не соответствует действительности, и трудно сказать, на основании каких данных П. Н. Милюков изменил свою точку зрения. «Социалистическая» дума не была однородна. И поскольку речь шла о главенствующей роли партии с.– р., то скорее другое надо поставить в вину лидерам партии: были попытки вести борьбу только под

своим партийным флагом «революционной демократии», чуждой в значительной степени вооруженной силе, которую можно было противопоставить Военно-Революционному Комитету. В первоначальном бездействии виновата была не столько нейтральная позиция большинства социалистической думы, сколько уклончивое поведение представителя военного штаба, полк. Рябцова, за свой страх ведшего переговоры с Военно-Рев. Комитетом. Это вызывало возмущение среди офицерства и молодежи и даже обвинение в провокации (Кое-какие данные для этой поры автор мог бы найти в книге бывш. с. – р. Вознесенского «Москва в 1917 г.». Издана она в 1927 г., но часть ее раньше печаталась в «Былом».).

В выходящей книге «Н. В. Чайковский в годы гражданской войны» (см. у нас на стр.; ldn-knigi) я более или менее подробно останавливаюсь на позиции «революционной демократии» в период октябрьского переворота и последующих месяцев подготовки к защите Учредительного Собрания. Во избежание повторения я должен отослать читателя к этой книге. На основании имеющегося материала, опубликованного до выхода второго исследования П. Н. Милюкова, мне кажется, можно установить два положения. В октябрьские дни антибольшевицкое движение никаким единством не отмечено, в общем двойственная позиция революционной демократии сталкивалась с беззаботной уверенностью неизбежного скорого конца большевизма со стороны другой группы – и прежде всего военных. Таково первое положение. Во-вторых, никакого общего антибольшевицкого фронта непосредственно после октябрьского переворота не установилось – во всяком случае, об общей тактике приходится говорить с очень значительными оговорками.

Этот контакт революционной демократии с буржуазными группами П. Н. Милюков видит как бы в объединении, которое он называет «Комитетом спасения родины и революции». В книге, посвященной деятельности Н. В. Чайковского, я привел, мне кажется, достаточное количество иллюстраций, свидетельствующих о проблематичности этого объединения. П. Н. Милюков делает очень большую ошибку, употребляя термин «умеренные социалисты», противопоставляя последних крайним социалистам – большевикам. При таком противопоставлении историк целую гамму взаимно исключаящих друг друга построений и взглядов объединил в одну группу. Я уже указывал в свое время П. Н. Милюкову в критике его «Истории» на такую антиисторическую характеристику. Позиция Мартова, позиция Чернова, позиция народных социалистов, с различными внутренними промежуточными оттенками, в дни революции не могут быть объединены одним понятием умеренного социализма.

Было ли действительно достигнуто объединение в Комитете Спасения, в состав которого (за редким исключением) не были допущены представители буржуазной кадетской партии? (Если представители партии кое-где попадали в Комитеты Спасения (Петербург, Смоленск, Калуга), то они являлись здесь представителями от городских дум.) Было ли достигнуто объединение в последующем Союзе Защиты Учредительного Собрания, где вновь отсутствовали представители партии к. – д.? Конечно, нет. Часть революционной демократии, или другими словами, «умеренных социалистов», по терминологии П. Н. Милюкова, была действительно нейтральна в начавшейся гражданской войне, занимая позицию знаменитого «Викжеля», косвенно помогавшего большевикам. Часть была также в сущности «нейтральна» в силу отрицания вооруженной борьбы с большевиками – даже в правом секторе меньшевиков (напр., Церетелли). Часть стояла на позиции вооруженной борьбы и отрицала всякую коалицию с буржуазными элементами (Чернов). Последовательную позицию непримиримости и активной вооруженной борьбы заняла в целом только одна трудовая нар.-социалистическая партия, к которой примыкали правые звенья народнической и марксистской группировок (часть с. – р. центра и правый сектор партии, группировавшихся около «Воли Народа»; с. – д., отколовшиеся организационно от партии – «Единство» Плеханова и группа, для краткости скажем, Потресова).

В действительности расхождение в методах борьбы было еще большее многие из с. – р. центра были загипнотизированы идеей «парламентской» борьбы с большевиками через Учредительное Собрание; в рядах той же демократии велась проповедь обволакивания большевиков, о чем настойчиво твердила прежде коалиционная московская «Власть Народа» (позже орган Кусковой, Осоргина и др.).

В силу указанных причин первый период борьбы с большевиками – первые шесть месяцев после октябрьского переворота – был периодом двойственности и противоречия в деятельности так называемой революционной демократии, общего фронта не было. Нельзя, однако, охарактеризовать борьбу с большевиками, которая организовалась, напр., в Петербурге в период после падения Временного Правительства и до разгона большевиками Учредительного Собрания, только как борьбу «морально-политического» характера – борьбу на «легальной» почве. Это неверно, как мог бы увидеть П. Н. Милюков, если бы познакомился с книжкой Игнатьева «Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны (Москва 1922), Семенова (Васильева) «Военная боевая работа

партии с. – р. за 1917–1918 г.» (Берлин, 1922), отчетом о московском процессе эсеров или с воспоминаниями Б. Ф. Соколова «Защита Учредительного Собрания» (Архив Русской Революции. XIII). Бесспорно, многие факты, почерпнутые в этих материалах, могут быть оспариваемы, но ведь в этой критической работе и задача историка гражданской войны.

Стремление составить какой-нибудь общий фронт и привело к организации по персональному признаку двух политических центров: «правого» и «левого» Национального Центра и Союза Возрождения, между которыми установились известные договорные взаимоотношения к лету 1918 г. В этих только пределах и можно говорить о том общем антибольшевицком фронте, который лишь частично был разрушен омским переворотом 18 ноября. У П. Н. Милюкова второй период период соглашения, изложен чрезвычайно суммарно, хотя в его распоряжении и были уже подробные воспоминания на эту тему В. А. Мякотина, напечатанные в «На Чужой Стороне». Милюков ссылается на них, но по тексту не видно того, чтобы он их использовал, ибо даже самое соглашение между двумя центрами он заимствовал из вторых рук – из источника иностранного, излагающего дело, конечно, только приблизительно. Общий фронт определился таким образом союзом части «умеренных» социалистов с левыми кадетами в «Союзе Возрождения». Через кадетов, входивших одновременно в «Национальный Центр», устанавливалась связь с более правыми элементами; через социалистов-революционеров из «Союза Возрождения» устанавливался некоторый контакт с другими эсеровскими центральными группировками, стоявшими на более левом фланге. Эта центральная часть действовала в общем сепаратно и с большой неохотой вынуждена была пойти на соглашение о создании единой всероссийской власти в виде Директории на Уфимском Совецании. Меншевики в своем большинстве, сохраняя формально нейтралитет, по выражению с.-д. Фердмана (берлинская «Заря» 1924 г.) «держали сторону большевиков и все антибольшевицкие движения клеймили именем Вандеи». С. – д. Майский, впоследствии перешедший к большевикам, исключен был из партии за участие в самарском правительстве, так называемого «Комуча» – правительстве, которое, по характеристике П. Н. Милюкова, проводило программу «левых с. – р.» (опять неудачный термин, способный создать путаницу, ибо здесь автор хочет сказать о соц. – рев. «левого типа Чернова»; кстати сказать, это не совсем верно).

Придавая омскому перевороту как бы решающее значение в направлении гражданской войны, П. Н. Милюков слишком кратко

остановился на событиях, предшествовавших событию 18 ноября. Если бы он был знаком с книгой Святицкого «К истории Учредительного Собрания» (1921), то увидел бы, что левый сектор «умеренных социалистов», т. е. черновская группа партии с. р., не входившая в «Союз Возрождения», весьма несочувственно относился к Уфимскому Совецанию и не только не думал о каком то «общем фронте» против большевиков, но подготовлял свержение коалиционной Директории. Между прочим, на страницах «Последних Новостей» в полемике с Черновым мне приходилось более или менее подробно касаться воспоминаний Святицкого, – и П. Н. Милюков уже отсюда мог бы знать о точке зрения, которую от имени черновского сектора излагал Святицкий (Я понимаю всю трудность краткого изложения позиции эс-эровской партии в годы гражданской войны. Достаточно указать, что на Уфимском Совецании совершенно отчетливо сложились три течения в этой партии, довольно отличные друг от друга: левый сектор, центр, правый сектор. При чем каждый из этих секторов имел свои правые и левые крылья, которые не трудно персонифицировать в отдельных лицах. Каждая позиция имела мотивы *sui generis*, влиявшие на то или иное решение. Тем более невозможны те суммарные характеристики, которые дает Милюков.).

Здесь текст Милюкова критиковать нельзя, ибо надо писать особую главу, отсутствующую в «России на переломе». Мне остается лишь вновь отослать читателя к книге, «Н. В. Чайковский в годы гражданской войны». Там читатель усмотрит, что концепция П. Н. Милюкова, устанавливающая разрыв общего антибольшевицкого фронта 18 ноября 1918 г. – концепция чисто эмигрантская, больше того, – созданная парижской обстановкой зимы 1918–1919 г. г. Омский переворот, встретив осуждение в рядах всей демократии, не привел к разрыву тех соглашений, которые были установлены в Москве весной и летом 1918 г. Отошла лишь та небольшая часть партии соц. – рев., по которой непосредственно ударило низвержение Директории. Агитация этой группы против генеральской диктатуры востока и юга нанесла огромный вред единой противобольшевицкой борьбе, но формально не разрушила достигнутых соглашений. Так было на юге, где, «Союз Возрождения» высказался за признание власти адм. Колчака, так было на самой территории, где, произошел переворот, где образовался беспартийный «блок», при участии к. – д., н. – с., с. р., кооператоров, поддерживавших власть адм. Колчака, так было и в центре, находившемся во власти большевиков. Если на юге члены партии к. – д. вышли из состава «Союза Возрождения», то вовсе не на почве разной оценки события 18 ноября.

Этим примером я хотел лишь показать, что «схема» П. Н. Милюкова должна быть существенным образом скорректирована. Много было причин, разрушивших антибольшевицкий фронт. Можно говорить об утерянной возможности единого фронта, но не в том контексте, как это делает П. Н. Милюков.

III. Идея диктатуры

Красной нитью в новом исследовании П. Н. Милюкова проходит утверждение, что в период революции и гражданской войны, за идею диктатуры стояли правые, консервативные элементы. Если бы себя и свою политическую группу П. Н. Милюков относил к правому консервативному сектору, то формально возражать не приходилось бы. Несомненно, в революционные месяцы с партией к. – д. произошло то же, что с социалистами-революционерами. Эти «массовые» партии потеряли свой облик: одна – демократически, другая государственно-социалистический. По мановению какого то волшебного жезла исчезло с лица земли русской все, что только было правее к. – д., и с партией народной свободы шло все то, что было против так называемых «завоеваний революции».

Партия обросла чужеродным телом и получила совсем иную физиономию по своему составу – как были мартовские социалисты, так были и мартовские кадеты. Естественно, что этот элемент был против блокирования даже с умеренными социалистами, что они хватались за спасительный флаг в виде военной диктатуры. Но не только эти круги стояли за диктатуру, не только эти круги противились соглашениям с умеренными социалистами, а и те интеллигенты-государственники, которых П. Н. Милюков в своей истории выставляет носителями идеи объединения демократических элементов страны. Здесь то П. Н. Милюков многое из недавнего прошлого основательно забыл.

Для того, чтобы охарактеризовать позицию самого Милюкова, как политического деятеля и как руководителя в теории наиболее крупной буржуазно-демократической партии в месяцы революции, конечно, надлежит обратиться к основному тексту его «Истории». Это слишком отвлекло бы меня в сторону. Но несколько слов сказать нужно, поскольку некоторые специфические черты сказались и в тексте «России на переломе».

Прежде всего у Милюкова сохраняется желание сосчитаться со своими политическими противниками – главным образом, конечно, с А. Ф. Керенским. Мне приходилось уже отмечать, что ко всей истории революции П. Н. Милюкова можно было бы поставить два эпитафия, взятых из текста:

«А. Ф. Керенский пожал то, что посеял» и «все опасения П. Н. Милюкова осуществились». Много грехов числилось в революционное время за русскими социалистическими партиями, но доказать, что в

первые месяцы революции одна только «партия народной свободы» стояла на государственной точке зрения П. Н. Милюкову, к сожалению, в своей истории не удалось. Дразнить «костлявой рукой голода» и махать своего рода красной тряпкой перед разъяренным быком, имя которому было революционная стихия – не значит еще проявлять патриотическую жертвенность и здравый государственный смысл. Между тем, в этом повинен не менее других и сам П. Н. Милюков.

Для Милюкова как будто бы все зло в Керенском; этот запуганный диллетант, трагический комик хитрит, имея в виду свои личные интересы и отождествляя русскую революцию с собственной персоной; он балансирует только для сохранения своей власти. Персонифицируя так революцию, историк забывает, что если Керенский, допустим, и был склонен к «полновластным распоряжениям и диктатуре», если у него «закружилась голова» на «высоком посту», то к этой персонификации власти привела в значительной степени жизнь, неумение партийных верхов в революционное время встать на государственную и действительно национальную точку зрения.

История Милюкова во всяком случае должна разойтись с мемуаристом Милюковым. Позвольте напомнить дни мартовского съезда партии народной свободы, – дни, когда П. Н. Милюков еще не был вынужден оставить ряды Временного Правительства. Лидер партии 28 марта говорил: «Я помню тот решительный момент, когда я поздравлял себя с окончательной победой, это был момент, когда по телефону на нашу просьбу стать министром юстиции А. Ф. Керенский ответил согласием («бурные аплодисменты», отмечает газетный отчет того времени); тогда я понял, что есть государственные умы и таланты (курс. мой) и в этих рядах» («Речь» № 73). А вот более ранние слова партийного единомышленника Милюкова, Н. М. Кишкина, в московском Ком. Общ. Орг. 8-го марта: «Я только что вернулся из Петрограда и могу засвидетельствовать, что, если бы не Керенский, то не было бы того, что мы имеем. Золотыми буквами будет записано его имя на скрижалях истории». (Заславский «Хроника Рев.», кстати с этой необходимой справочной книгой П. Н. Милюков, по-видимому, не знаком).

Так же строг историк Милюков к генералу Корнилову. О человеке, который в сознании широких кругов эмиграции окружен нимбом национального героя, историк счел возможным повторить ходячую остроту в некоторых левых кругах в августовские дни 1917 г.: «Das Herz eines Lowen, der Kopf eines Schafes» (Сердце льва – голова барана) (это было особенно неуместно в немецком издании). Он с осуждением

относится к Корниловскому выступлению 27–28 августа. Это выступление «провело еще более резкую грань между социалистической и несоциалистической демократией. Но в то же время оно подорвало связь между социалистической и несоциалистической правой буржуазией. Корнилов оказался в руках правых организаций», которые «уже с самого начала были тем, чем они оказались впоследствии – элементом реакционным».

Таков вывод историка, и с ним, пожалуй, в значительной степени нельзя не согласиться. Но естественно, в прошлом должна быть очерчена и роль самого Милюкова. Вся его позиция толкала партию народной свободы в корниловский лагерь. Просмотрите тогдашнюю левую печать, и вы натолкнетесь на постоянное сравнение политической позиции Милюкова с позицией Тьера. Не только горьковская «Новая Жизнь» будет доказывать, что партия народной свободы «главная, если не единственная представительница и защитница интересов контрреволюционных имущих слоев», но и редактируемая Е. Д. Кусковой «Власть Народа» будет писать в июне: «к гражданской войне, вот к чему ведут к. д.». В связи с партийным съездом Прокопович найдет речи их лидеров безответственными и возмутительными: «Кадеты перешли на сторону реакции». Российский Тьер естественно вместе со Струве и Шульгиным будет числиться в среде участников московского Съезда Общественных Деятелей. Теоретически он должен быть солидарен с Корниловым.

В книге Владимировой «Корниловщина» – книгу, по-видимому, П. Н. Милюков также не знает – опубликован характерный документ: это ненапечатанная передовая статья в «Речи». 30 августа газета вышла с белой полосой вместо передовой статьи.

29 августа выяснилась неудача ген. Корнилова, и редакция или не успела подготовиться к новой позиции, которую надлежало занять, или не могла напечатать свою статью из опасения расправы со стороны образовавшегося Комитета народной борьбы с контрреволюцией (в комитет входили, и даже главенствовали, большевики).

В ненапечатанной статье говорилось: «Ген. Корнилов не реакционер, его цели не имеют ничего общего с целями контрреволюции, ген. Корнилов ищет путей довести Россию до победы над врагом и не предпринимает народной воли в будущем устройстве Учредительного Собрания. Нам тем легче присоединиться к этой формулировке национальной идеи, что мы говорили в тех же самых выражениях задолго до генерала Корнилова. Да, мы не боимся сказать, что Корнилов преследовал те же цели, какие мы считали необходимыми для спасения

родины». Теперь историк Милюков всячески затушевывает участие партии к. д., или некоторой ее части, в Корниловском движении – лишь правые круги выдвигали диктатуру.

Припомним, что писал ген. Корнилов в приказе № 897: «Я хотел в согласии с целым рядом лиц, пользующихся общественным доверием и с целым рядом общественных организаций, стремящихся к спасению России... дать сильную власть». Припомним и показания ген. Алексеева, утверждавшего, что ген. Корнилов действовал по соглашению с некоторыми членами Временного Правительства и что только в последние дни 26–28 августа это соглашение было нарушено. В деле Корнилова еще много неясного (В сущности, за исключением показаний А. Ф. Керенского следственной комиссии («Дело Корнилова». Изд. «Задруги» 1918 г.), показания остальных заинтересованных лиц мы имеем лишь в выдержках, напечатанных в книге Владимировой «Контрреволюция в 1917 г.» (1924) и Мартынова «Корнилов» (1927 г.).).

Газетная полемика между Керенским и Милюковым не дала ответов на те сомнения, которые возникают при ознакомлении с закулисной стороной дела. Термин «заговор» в отношении лично Корнилова не подходит, ибо слишком много было взаимных недоразумений в эти августовские дни. (Несомненно в антураже Корнилова – у Завойко и др. плелись нити определенного уже заговора, о чем Корнилов мог быть и неосведомлен). В прениях по моему докладу П. Н. Милюков должен был, однако, признать, что отношение к. – д. к Корниловскому выступлению не было отрицательным, так как оно было неизбежно. И глубокий смысл приобретает тогда письмо ген. Алексеева П. Н. Милюкову 12 сентября – письмо, о котором совершенно умалчивает в своей истории П. Н. Милюков.

«Почему же ответить должны только 30 генералов и офицеров, большая часть которых и не может быть ответственной?» – писал Алексеев. – «Неужели в угоду всесильной демократии и для спасения участников, которые хотят спрятать свое участие?» «Нужно сказать – заканчивает Алексеев – что если честная печать не начнет немедленно энергичного разъяснения дела, настойчивого требования правды и справедливости, то через 5–6 дней наши деятели доведут дело до военно-революционного суда с тем, чтобы в несовершенных формах его утопить истину и скрыть весь ход этого дела. Тогда ген. Корнилов вынужден будет широко развить перед судом всю подготовку, все переговоры с лицами и кругами, их участие, чтобы показать русскому народу, с кем он шел, какие истинные цели он преследовал и как в тяжкую минуту он, покинутый

всеми, с малым числом офицеров, предстал перед спешным судом, чтобы заплатить свою судьбою за гибнущую родину».

П. Н. Милюков, в своей истории, напоминает слова Каменева на демократическом совещании: «мятеж Корнилова не единоличное преступление, а преступление организованной буржуазии», и противопоставляет им заявления трех министров: Скобелева, Зарудного и Пешехонова, о нелепости подозрений в причастности министров к. – д. к Корниловскому движению. Не так однако был неправ по-видимому Каменев в своем утверждении, и сам П. Н. Милюков на совещании Ц. К. партии к. – д. в Париже, в 1921 г., должен был признать, что корниловской «политике переворота» «мы шли сознательно навстречу (Напомню, что в пояснениях своих к показаниям следственной комиссии А. Ф. Керенский линию поведения Милюкова в корниловские дни охарактеризовал, назвав П. Н. Милюкова «польским Мартовым наизнанку». В полемике, которую П. Н. Милюков вел с Керенским в «Посл. Нов.» – «Еще факты и еще легенды» – в сущности говоря, автор ничего не опроверг. С полным правом А. Ф. Керенский мог сказать: «Теперь П. Н. Милюков присоединился к моему пониманию корниловской катастрофы». Любопытна одна запись, сделанная в дневнике ген. Жанена, находившегося в эти дни в Могилевской Ставке. Французский генерал уверяет со слов зятя ген. Алексеева, что «заговорщики» прекрасно понимали, что они играют своими головами, и что кадеты «marchent avec eux, mais n'on pas le courage voulu pour participer au mouvement avant la reussite». («Monde Slave» 1927. май 173) Показателен был и позднейший съезд партии народной свободы. Газетный отчет («Власть Народа» № 143) отмечает, что на первом заседании 15 октября «героем вечера оказался ген. Корнилов». Ф. Ф. Кокошкин, между прочим, заявил, что Корнилов «жертва злого, умысла высокопоставленных лиц, назвать которых в данный момент, к сожалению, нет возможности...» (протокол № 3). Поэтому участие партии к. – д. в правительстве и сделалось камнем преткновения при создании коалиционной власти в дни, так называемого, Демократического Совещания. «Умеренные социалисты» (термин П. Н. Милюкова) соглашались на коалицию с буржуазным элементом, не причастным к корниловскому движению – из этой коалиции исключалась партия народной свободы. Историком надлежало это отметить. Материал он легко бы нашел в том выпуске «Хроники Революции 1917 г.», которую издает Истпарт (т. IV, составленный Владимировой).

Круги, к которым принадлежал П. Н. Милюков, во всяком случае, разделяли основное положение, высказанное в июньском еще обращении к

населенно и армии Всероссийского Союза торговли и промышленности: «Спассти Россию может только твердая железная власть», т. е. военная диктатура. Довольно определенно и последовательно партия народной свободы отстаивает эту точку зрения – на московской партийной конференции в Мае 1918 г. было признано, что «борьба с большевиками требует сосредоточения сильной власти в единых руках». (Протокол № 2 того же совещания). Представители к. – д., входившие в «Союз Возрождения», склонились к признанию проектированной более левыми группировками директориального характера власти. Соглашение произошло после того, свидетельствует В. А. Мякотин в своих воспоминаниях, как «участвующие в совещаниях к. – д. упорно пытались отстаивать единоличную диктатуру, явно оглядываясь на ту часть своей партии, которая не входила в «Союз Возрождения». Надо добавить, что лично П. Н. Милюков очень не сочувствовал в то время соглашению с социалистами, как не сочувствовал этому с момента, когда вынужден был выйти из состава коалиционного Временного Правительства. В момент договора в «Союзе Возрождения» П. Н. Милюков писал письмо в Москву и «обвинял» московских кадетов за то, что они попали «в лапы социалистов и Антанты». (Речь Пав. Д. Долгорукова. Протокол № 3 парижского совещания).

Неточно излагая позицию к. – д. на Уфимском Совещании, Милюков забывает сказать, что и на этом совещании от имени партии народной свободы принципиально провозглашалась диктатура единоличной власти. В Уфе, на совещании, представительство Ц. К. партии к. – д. было поручено Л. А. Кролю. В своих воспоминаниях Кроль рассказывает о том затруднении, которое он испытывал – он не верил в целесообразность диктатуры (Я очень рекомендую П. Н. Милюкову просмотреть ту страницу воспоминаний Кроля, где излагаются споры о монархии в Ц. К. партии весной и летом 1918 г. Спор шел на тему, оставаться ли по программе республиканцами (этот пункт был введен после революции), или помогать правым создавать монархию. Партия «реальной политики», по предложению проф. К., заняла нейтральную позицию. («За три года», стр. 15.) (входил, между прочим, в «Союз Возрождения», а получил директиву проводить «диктатуру»). Кроль партийную точку зрения сформулировал так:

«Ц. К. партии считает, что наилучшей формой для осуществления такой власти была бы временная единоличная верховная власть. К великому несчастью для России, если революция выдвинула титанов разрушения, анархии и беспорядка, то, к сожалению, на фоне нашей

революции не явилось ни одного человека, которому вся нация, вся страна могла бы доверить и на которого могла бы рассчитывать, что он доведет страну до Учредительного Собрания. Поэтому приходится поневоле мириться с менее совершенной формой в виде директории»... (стр. 191). Другие кадеты высказывали убеждение, что власть директориального характера неизбежно превратится во власть единолично диктаторскую по форме.

Очевидно нельзя утверждать, как это делает П. Н. Милюков (стр. 49), что перед переворотом 18 ноября: «в военных, в правых и торгово-промышленных кругах заговорили о преимуществе единоличной власти». Омские кадеты, проводившие диктатуру, в сущности, целиком выполнили директиву Ц. К. своей партии (Закулисная сторона многих событий в период гражданской войны еще недостаточно выяснена, поэтому я предпочитаю быть осторожным в констатировании того или иного факта. Большевицкие историки определенно приписывают партии к. – д. подготовку омского переворота. Так «Хроника гражданской войны в Сибири» под 23 октября помещает сообщение: «В. Пепеляев имел длительную беседу с Колчаком, предлагая ему от имени «Нац. Центра» выставить свою кандидатуру на пост «верховного правителя». Под 27 октября: «Избран президиум восточного отдела Ц. К. партии к. – д., подготовлявшей политический переворот». Мою оценку см. в упомянутой книге: «Н. В. Чайковский в годы гражданской войны».).

Но еще более странным является подчеркивание П. Н. Милюковым требования в августе и сентябре 1918 г. со стороны монархически настроенных кругов, чтобы добровольческая армия на юге «открыто вывесила монархический флаг». Этой реакции «на монархизм», как известно, не чужд был сам П. Н. Милюков. Топором нельзя вырубить из истории того, что писал Милюков 29 июля (11 августа) Правому Центру и ген. Алексееву. Обо всем этом историк предусмотрительно почти умалчивает, хотя записка Милюкова и вся история немецкой ориентации изложены в III томе «Очерков» ген. А.И. Деникина. Необходимо для ясности напомнить то, что у П. Н. Милюкова пропущено. «Германская военная партия – рассказывает Милюков в своей книге намеревалась свергнуть большевицкое правительство по возможности русскими руками и при этом восстановить в России монархию. С таким предложением германские представители не раз обращались к правой части русского политического центра и за сговор с немцами высказался Кривошеин; в Петербурге сношения велись с Треповым и Нольде (Бар. Нольде – член Ц. К. партии к. – д. как раз заявлял себя единомышленником П. Н.

Милюкова.). Переворот намечался на 18 июня. Эти переговоры с германцами велись весьма конспиративно не всем правым центром, а только некоторыми наиболее правыми членами, стали известны союзникам, вызвали большой переполох и привели (под несомненным давлением представителей союзников в Москве) (Для последнего утверждения Милюкова нет никаких данных.) к расколу между русскими политическими течениями двух разных ориентаций. Разрыв произошел в заседании 21 июня. К. – д. вышли из «Правого Центра».

Послушаем теперь Деникина, ссылающегося на официальный обзор сношений с немцами Правого Центра, помеченный 14 июня: ..."Президиум уполномочил вести переговоры бар. Б. Нольде и кн. Г. Трубецкого». В мае «крутой перелом» произошел и у П. Н. Милюкова. Еще 3 мая он писал ген. Алексееву: «Я был страшно огорчен появлением в Ростове добровольцев (отряд полк. Дроздовского) вместе с германцами, развернувших трехцветный национальный флаг рядом с германской каской». Милюков предлагал распустить Добровольческую Армию, «объявив для всеобщего сведения, что сражаться рядом с германцами даже против большевиков Вы (т. е. ген. Алексеев) не пойдете». А 19 мая Милюков доказывал уже другое на основании закона самосохранения: «германцы хозяева положения и заинтересованы в том, чтобы государство было восстановлено. Они дорожат нашим единством и царем». Следовательно и нужно вступить в переговоры с немцами, «приняв их поддержку и спешно освободить Москву», при этом немцы должны перевезти армию до крайнего возможного пункта... отказавшись (сами) от вступления в Москву.

Отправившись в Киев и проникнувшись немецким настроением, П. Н. Милюков 29 июля писал между прочим в записке Правому Центру, из которого, как только что мы видели, кадеты ушли (очевидно, П. Н. Милюков не ушел):

«Для выяснения возможностей этих (контакта с немцами) я не по моей, а по германской инициативе (Кстати, в московских переговорах с Рицлером в июле участвовал и к. – д. Котляревский, отнюдь не представлявший крайний правый фланг Правого Центра.), вступил в «необязательные» сношения с представителем Oberkommando и имел (впрочем, очень поверхностно) разговор с Муммом»... Далее Милюков говорил об объединении русского общественного мнения для переговоров с немцами. Его политическая программа сводилась к установление национального правительства и обязательно «для этого необходимо, чтобы оно явилось на свет сразу, как монархическое»... Кандидатом намечался вел. кн. Михаил Александрович (Ген. Казанович в своих воспоминаниях

(«Арх. Рус. Рев.», VII, 194) уверяет, что деятели Правого Центра в Москве не прочь были видеть на русском престоле кого-либо из германских принцев.). Выставлялась и неприкосновенность всей прежней территории. Милюков выделял Финляндию и Польшу (в границах прежнего Царства Польского без Холмщины). Допускал Милюков «возможность идти относительно Украины несколько далее простой автономии». Относительно внутренней политики Милюков настаивал на устройстве коалиционной власти с «устранением из ее состава сторонников самодержавия, с одной стороны, и сторонников ориентации «левого центра», т. е. «Союза Возрождения» и прежнего Учредительного Собрания, с другой стороны. Далее Милюков считал необходимым «немедленно приступить к аграрной реформе, восстанавливающей все нарушенные права (Этот реставрационный проект выходил таким образом не из кругов специфически реакционных. Равным образом не в недрах Особого Совещания и не в среде его военных руководителей возник и другой профессорский проект земельной реформы, предлагавши лишить земли красноармейцев. Насколько мне известно, он возник в среде партии к. – д.), но имеющей целью найти решения, возможно близкие к сложившемуся хаотическому положению землевладения»... «восстановление свободы земельных сделок»... «пересмотр избирательного закона для городских и земских органов самоуправления» (двухстепенные выборы в деревне). Милюков предлагал на переходное время «в случае надобности созвать совещательный орган из «общественных элементов, стоящих на государственной точке зрения». «Общие положения Милюкова – добавляет Деникин – вошли в основание и анонимной записки, составленной послом Правого Центра кн. Г. Трубецким и отправленной немцам с одобрения Милюкова и Кривошеина». «Случилось так», – по выражению самого П. Н. Милюкова, в статье «Мои сношения с ген. Алексеевым», – «что мои взгляды совпали с мнениями более правых течений в Москве и Петербурге». Характерно, что политическая позиция вождей Добровольческой Армии была левее того, что предлагал П.Н. Милюков – его лозунги были неприемлемы. Оставалась неприемлемой и та немецкая ориентация, к которой склонялся «неожиданно», по выражению А. И. Деникина – Милюков. (В ответе А. И. Деникину «Мои сношения с ген. Алексеевым» («Последние Новости») П. Н. Милюков указывает, что в его первом письме М. В. Алексею уже «были все черты... дальнейшего плана». Очевидно, по существу это не изменяет крутых поворотов в политике П. Н. Милюкова.).

Историку Милюкову кажется совершенно фантастической с военной

точки зрения идея восстановления «восточного фронта» для продолжения борьбы с Германией. Немецкую ориентацию он считает в то время настолько реальной, что склонен полагать, что только «непримиримая позиция Деникина привела в конце июня 1918 г. к полной перемене ситуации, которая до того момента складывалась, казалось, очень благоприятно для общего похода на Москву всех освободившихся от большевиков частей России» (ср. с вышеизложенным) .

Я здесь не критикую и не оцениваю позиций тех или иных политических деятелей эпохи, но совершенно ясно, что не одни правые вели переговоры с немцами (себя во всяком случае П. Н. Милюков не зачислял в лагерь консервативной русской общественности) и не одни реставрационные элементы (себя П. Н. Милюков зачисляет в ряды сторонников февральской революции) отстаивали идею диктатуры. Мало того, лично П. Н. Милюков, вопреки принятой в марте 1917 г. партией к.-д. республиканской программы и позднему решению Ц. К. партии о нейтралитете, в этом вопросе выдвинул в августе 1918 г. программу монархическую. Он действовал тогда последовательно для себя, входя в правый центр, который выделился из так называемого Московского Сопещения Общественных Деятелей. В совет его входил наряду со Струве, Шульгиным и Милюков. Надо напомнить, что еще в феврале 1918 г. Совет признал, что единственной формой правления в России может быть наследственно-конституционная монархия.

Позже Милюков, как общественный деятель, должен был признать свою немецкую ориентацию тактически ошибочной. В Яссах на совещании с посланниками от имени русской делегации Милюков, доказывая необходимость военной помощи со стороны союзников, развивал положение, что Германия, создавая ультра шовинистические самостийные течения на Украине, всегда препятствовала созданию там прочной государственности (см. статью Н. И. Астрова). Н. М. Могилянский – деятель, близкий к милюковской группе, – шел дальше и утверждал в своих воспоминаниях, что немцы сознательно поставили себе целью уничтожение русского офицерства на Украине («Арх. Рус. Рев.», XI, 101). Стоит напомнить откровенное заявление Рорбаха («Die Deutsche Politik» 1918) о том, что немцы поддерживают большевиков в целях разрушения Великороссии для устранения всякой возможности русской опасности в будущем. Немецкую политику надо направлять так, чтобы великорусские силы еще долгое время были парализованы. В книге «Россия на переломе» П. Н. Милюков держится, как видно, другой точки зрения, чем на Ясском совещании.

Оставив немецкую ориентацию, П. Н. Милюков отнюдь не отказался от идеи диктатуры, которую защищал на Ясском совещании общественных деятелей. Эта позиция была ошибочной с точки зрения Милюкова-историка – также думал в 1921 г. и Милюков-политик. «Я должен теперь признать – говорил Милюков на парижском совещании в мае 1921 г., – что левые были правы на Ясском совещании, когда они возражали против этого (сильной единоличной власти), а мы были неправы, хотя я и сам горячо защищал этот пункт (В лице Добровольческой Армии Милюков на Ясском Совещании видел «высший вид диктатуры». Коалиционные соглашения, открывающие простор для демократии, неизбежно должны были, по мнению оратора, приводить к краху.). В этот именно момент произошел наш разрыв с левыми (А не в дни омского переворота.), с которыми мы до того продолжали быть в коалиции (Едва ли был в ней сам П. Н. Милюков.), а отстаивание нами тогда сохранения гражданской власти в руках главнокомандующего было, как оказалось впоследствии, объективной ошибкой»... Но дело в том, что задача истории прежде всего установить факт, а потом уже его расценивать. Факт остается фактом: Милюков в 1918 г. отстаивал «горячо» именно диктатуру и даже монархию.

Милюков в своей книге утверждает, что Добровольческая Армия постепенно проникалась монархическими чувствованиями. «Что же в этом только повинно реакционное влияние Добровольческих верхов?» – спрашивал я в своем отзыве на немецкое издание книги Милюкова. «Очевидно, Милюков-историк забывает то, чего не хочет вспоминать Милюков-политик. Это тот библейский обряд умовения рук, о котором по поводу позднейшего отношения к Особому Совещанию говорит в своем IV томе ген. Деникин». И неужели я не имел объективного права написать эти строки? В чем они расходятся с действительностью? П. Н. Милюкову в книге всемерно хочется показать, что участие партии к. – д. в «белом» движении, в правительстве ген. Деникина было участием только оппозиции. Автор возражает против установившейся легенды и говорит, что правые (?) кадеты, которые имели отношение к этому правительству, были лишь ширмой, которая должна была свидетельствовать о либерализме правительства и не пользовались серьезным влиянием. (Ген. Врангель в своих воспоминаниях упрекает А. И. Деникина в противоположном. Деникин черпал своих сотрудников преимущественно из кругов «вашей либеральной общественности» («Белое Дело», VI, 41). И не имел ли я вновь права написать в отзыве на немецкое издание: «Господствовал реакционный элемент. Пусть так. Но он ли всегда давал

тон? Кто читал книгу проф. Соколова «Правительство генерала Деникина», книгу, представляющую собой как бы оправдание, не всегда согласится с тем, что единомышленники П. Н. Милюкова были только «либеральной ширмой» (Соколов считает, что его политические единомышленники дали «кадетскую форму» Деникинскому правительству). Сам А. И. Деникин склонен утверждать, что Особое Собрание, пусть с уклоном в правое русло, было как бы коалицией двух политических направлений («Очерки», IV, 204). Понятие «ширмы» не вяжется с ролью самого П. Н. Милюкова и, если уже предъявлять те или иные обвинения в реакционности к представителям «генеральской диктатуры», то еще в большей степени их можно предъявить к самому П. Н. Милюкову.

«Кризисом русского либерализма» назвал А. И. Деникин главу об упразднении Особого Собрания, и когда вы читаете протоколы парижского собрания членов Ц. К. партии к. – д. в 1921 г., вы действительно видите, что в годы гражданской войны партия пережила глубокий кризис. В ней не было ни единства, ни выдержанной линии – жизнь неудержимо влекла партию вправо. И историк не имеет права осветить положение вещей в том духе, как это сделал автор «России на переломе». Наиболее беспристрастными свидетелями будут сами лидеры этой партии. «Получилась различная тактика, различный образ действия» – говорил Н. И. Астров – в Киеве, в Одессе, в Екатеринодаре, в Омске, Париже, Лондоне. В Киеве кадеты организовали правых: «и со всей силой таланта доказывали, что носителями идеи государственности, которую нужно спасти во что бы то ни стало, хотя бы с помощью немцев, являются только правые»...

Началось разногласие и в отдельных группах. Так, напр., екатеринодарская группа членов Ц. К. имела не менее трех течений. Та же группа оказалась в полном конфликте с ростовским местным комитетом... Под влиянием общих условий усиливается крен на правую сторону. .. Еще более резко ставил вопрос В. А. Оболенский: «В Добровольческий период борьбы партия не считалась с психологией народа, и сам П. Н. (Милюков) думал тогда, что можно создать власть при помощи германских штыков... В то время воспевалась военная диктатура, ее накликали и относились к ней, как к какой-то самодовлеющей форме».

В истории П. Н. Милюков не рассказал того, что он отвечал своим критикам. Он признавал тогда, что в Киеве «с правыми мы действительно дружили на почве тогдашней немецкой ориентации». Дальше рисовалась такая концепция прошлого: отсутствие помощи союзников «помешало

быстрому освобождению России от большевиков». «Если бы эта помощь была своевременно оказана – говорил Милюков – то цель была бы, вероятно, достигнута, т. е. освобождение совершилось бы таким путем – путем белых фронтов. При этом была бы в России консервативная реакция, хотя тогда мы думали иначе, думали, что будут сохранены остатки революции». П. Н. Милюков еще не боялся «политической реакции», считал ее временной, поэтому и поддерживал борьбу (На екатеринодарском партийном съезде в октябре 1918 г. П. Н. Милюков всячески предостерегал своих единомышленников от чрезмерных увлечений началами народовластия, ссылаясь на пережитое. Ему отвечал проф. Малиновский: уроки истории поучительны. Но из этих уроков нельзя делать выводы против демократической и парламентской республики (беру из газетного отчета того времени).).

После крымской катастрофы для П. Н. Милюкова стало ясно, что «Россия не может быть освобождена вопреки воле народа». «Я понял тогда – говорил Милюков, – что народ имеет свою волю (курс. мой) и выбирает, что ему угодно и что нет и выражает это в форме пассивного сопротивления». Отсюда вытекала новая политическая ориентация П. Н. Милюкова – провозглашение новой тактики в борьбе с большевиками. Эта тактика была связана с «перелетом к эсерам», по выражению одного из участников Совещания – перелетом, который П. Н. Милюков назвал «несколько запоздалым зрелым плодом».

По существу я не разбираю ни эволюции П. Н. Милюкова, ни аргументов, обосновывавших «новую тактику». Повторяю, что я отмечаю только эволюции, которые замолчаны в «России на переломе». П. Н. Милюкова бывшие единомышленники упрекали в том, что он стремился «совлечь с себя ветхого человека» и «отречься от своего прошлого». Это отречение произошло еще в большей степени в истории, написанной Милюковым-политиком. Но в истории отречения быть не может. Со скрижалей истории ничто уже не пропадет. Стереть нельзя прошлое никакими формулами умолчания. Можно только объяснить.

IV. Литература предмета

В предисловии к своей работе (I том) П. Н. Милюков пишет: «не следует... заключать из отсутствия указания на тот или другой печатный источник, что он остался мне неизвестен. Мои ссылки не претендуют на библиографическую полноту. Они имеют целью указать читателю на главное, что существует в литературе по затронутым в книге вопросам, или на то специальное, что послужило лично мне для составления изложения. Известного элемента случайности я при этом отрицать не могу. С упреком в неполноте заранее готов согласиться. Особенно сознаю я, что не мог, по условиям работы в достаточной мере использовать обширной советской литературы, – хотя и прилагал к этому посильны» старания. .. Я пользовался лишь тем, что можно достать в Париже»...

Я совершенно не могу понять, как мог П. Н. Милюков написать в предисловии к русскому изданию эти строки, поскольку они относятся ко второму тому, посвященному гражданской войне. Не приходится даже говорить о какой то полноте библиографических ссылок, которые «сослужат службу читателю» и даже «будущим исследователям» – ее не только нет в тексте П. Н. Милюкова, но часто не отмечены важнейшие работы, и не видно, что автор ими пользовался. Некоторые ссылки носят формальный характер. Библиографическое значение имеют лишь ссылки на иностранные источники и в частности на чешскую литературу. Полноты, даже приблизительной, и здесь нет.

«Обширная советская литература» не только не использована в «достаточной мере», но автор обнаруживает полное незнание с ней, даже с той, которую «можно достать в Париже». (В дальнейшем я буду указывать на ту лишь литературу, которая появилась до выхода книги П. Н. Милюкова и которую можно достать в Париже). Достаточно указать, что на протяжении всей истории гражданской войны, в сущности, имеется ссылка на одну, изданную в СССР в 1925 г., книгу Субботовского «Союзники, реакционеры и интервенция», при чем сам автор оговаривается, что текст ее ниже всякой критики, и что представляют интерес лишь документы, хотя и не дающие «ничего нового сравнительно с сообщениями книги Гинса и другими источниками, использованными автором (Две ссылки имеются еще на книгу Вельтмана о советской России и Японии и на журнал «Новый Восток»).

Вот, примерно, только главнейшее, что вышло до 1927 г. в СССР, что можно достать в Париже и что совершение необходимо, по моему

мнению, знать историку гражданской войны:

- 1) Октябрьский переворот. Материалы под редакцией Рожкова. 1918.
 - 2) Революция 1917 г. Хроника событий. К. Рыбинский, т. V. Октябрь. 1926.
 - 3) Левидов. К истории союзной интервенции в России. 1925.
 - 4) Игнатьев. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. 1922.
 - 5) Семенов. Военно-боевая работа соц. – революционеров 1917–18 г. г. (1922).
 - 6) Красная книга В. Ч. К. 1921.
 - 7) И. Майский. Демократическая контрреволюция. 1923.
 - 8) Н. Святицкий. К истории Всероссийского Учредительного Собрания. 1921.
 - 9) Колосов. Сибирь при Колчаке. 1923.
 - 10) Борьба за Урал и Сибирь. 1926.
 - 11) Партизанское движение (Сибирь. 1926).
 - 12) Болдырев. Директория, Колчак, Интервенция. 1925.
 - 13) Последние дни Колчаковщины. 1926.
 - 14) Революция на Дальнем Востоке 1923.
 - 15) Парфенов (Алтайский). Уроки прошлого. 1921.
 - 16) Максаков и Турунов. Хроника гражданской войны в Сибири. 1926.
 - 17) Антонов-Овсеенко. Заметки о гражданской войне. 1924.
 - 18) Какурин. Как сражалась революция. 1926.
 - 19) Анишев. Очерк истории гражданской войны. 1925.
 - 20) Гусев. Гражданская война и красная армия. 1925.
 - 21) Черная книга (интервенция на Украине). 1925.
 - 22) Бош. Год борьбы. 1925.
 - 23) Калинин. Под знаменем Врангеля. 1925.
 - 24) Антанта и Врангель. 1923.
- И многое другое.

Я взял, как мне кажется, лишь главнейшее и то, что находится у меня под рукой (Я не беру новых материалов, характеризующих революцию до октября и следовательно относящихся к первой части работы П. Н. Милюкова.). Историк гражданской войны должен следить за журналами: «Красный Архив», «Пролетарская революция», «Летопись Революции», «Красная Летопись» и др., в которых можно найти немало первостепенных материалов для ознакомления с эпохой. Желающему теперь нетрудно познакомиться с литературой по истории революции и гражданской войны, так как в 1926 г. вышли два соответствующие

указатели:

- 1) Данишевский. «Опыт библиографии октябрьской революции» и
- 2) Доброницкий. «Систематический указатель по истории русской революции» (сюда включена и иностранная литература – характерно, между прочим, что при исчерпывающей в теории полноте, я все же своей книги о «Красном терроре» не нашел).

Далеко не всегда П. Н. Милюков имеет в своем распоряжении и опубликованный в эмиграции материал. Как на характерный пример можно указать на ссылку автора на источник ознакомления его с рабочим движением на Урале. Правда, Милюков, как мы уже видели, почти не останавливается на этой знаменательной странице гражданской войны, в значительной степени ниспровергающей искусственное построение его схемы. Быть может, у автора умолчание являлось даже бессознательно, ибо для характеристики движения на Ижевском и Боткинском заводах он знает только один источник – книгу Гутмана (Гана) «Россия и большевики». Между тем, эта книга не может служить серьезным источником для исследования. П. Н. Милюков ничего не знает о том, что в журнале «Пролетарская революция» за 1924 г. были напечатаны многочисленные выдержки из газеты восставших «Ижевский Защитник». Автор мог бы воспользоваться интереснейшими воспоминаниями непосредственного участника движения, рабочего с. – д. Уповалова, напечатанными в берлинской «Заре» в 1923 г. (В «Заре» были напечатаны и другие воспоминания – напр., записки рабочего Струмилло и др.).

Для изложения Уфимского Совецания и периода власти Директории автор пользуется книгами Гинса, Субботовского, Зензинова и Аргунова. Нельзя, касаясь этого периода, умолчать о книгах Майского, Святицкого, Болдырева, о статье Утгофа («Былое») – именно там найдется первостепенный материал. Игнорирование этих книг – никакого следа знакомства с ними в тексте Милюкова нельзя усмотреть тем более странно, что, напр., книгою Святицкого я широко пользовался в своем ответе Чернову, напечатанном в «Последних Новостях»; воспоминания ген. Болдырева я излагал довольно подробно в «Голосе Минувшего», отмечая то новое, что вносят воспоминания Болдырева в существующую зарубежную литературу.

П. Н. Милюков может сказать, что вся эта обширная «советская литература», а равно и эмигрантская, которую он в значительной степени игнорирует, не может изменить его точек зрения. Я думаю, читатель должен признать, что голословное утверждение Милюкова в предисловии книги, что немотивированные «неточности» едва ли имеются в его работе,

не соответствует действительности. Приведенные примеры сами за себя говорят. На некоторых весьма существенных деталях, исходя из текста П. Н. Милюкова и оставляя в стороне то, что им замалчивается или сознательно, или бессознательно – в силу незнакомства с материалом, – можно показать, что кое какие из упомянутых книг должны были побудить автора внести поправки и оговорки к своему тексту с фактической стороны. Приведу несколько примеров, оговариваясь, что количество этих примеров может быть увеличено.

Книга Колосова «Сибирь при Колчаке» – книга местами очень тенденциозная. В данном случае эта тенденциозность послужит в нашу пользу, ибо нельзя предположить, что один из главных руководителей противо-колчаковского движения и лидеров с. – р. партии, поднимавших крестьянские восстания, будет тенденциозен в освещении деятельности местного партизанства. П. Н. Милюкову надо сгустить краски в отрицательных тонах для характеристики сибирского правительственного режима при адм. Колчаке. По концепции историка с момента омского переворота все окрашивается густо в реакционный цвет, и под подозрение берутся все элементы прогрессивной общественности.

П. Н. Милюков не считает нужным отметить, что эта «реакционность», выразившаяся в атаманщине, бороться с которой Колчак, по собственному признанию, был бессилён (см. «Допрос Колчака»), выявилась задолго до принятия власти будущим Верховным Правителем – тогда еще, когда адм. Колчака даже не было в Сибири. Эта «атаманщина» не зависела от того или иного правительства. Вот, напр., слова А. А. Аргунова – автора весьма в сущности тенденциозной по отношению к Колчаку брошюры «Между двумя большевизмами». «Сибирское правительство (до образования Директории) не пыталось бороться с этим злом, ибо, даже при желании, ничего не могло бы с ним сделать». Естественно, и Директория за свое кратковременное управление не могла достичь положительных результатов. Так же было и при Верховном Правителе.

«Под влиянием произвола военных властей – говорит П. Н. Милюков – уже в декабре 1918 г. начались волнения и восстания, а жестокое усмирение их военными властями и сожжение целых деревень, уже окончательно оттолкнуло сибирское крестьянство от власти». Первое «уже» – сразу делает изложение П. Н. Милюкова весьма неточным. Из книги Колосова (и по другим материалам) он мог бы увидеть, что широкое крестьянское движение началось уже в сентябре, т. е. до переворота 18 ноября и еще до образования Директории – грозное минусинское

восстание совпало с моментом «колчаковского» переворота. Даже Колосов часть этого движения «стихийного» характера считает своего рода сибирской махновщиной, неприемлемой ни для какого государственного течения. В самом деле, только разнузданной стихией можно объяснить, напр., резню, которую устроили так называемые «повстанцы», руководимые большевиками в маленьком Кузнецке. Из других источников, напр., из подсчета «Томского Рабочего» мы знаем, что эта «уманьская резня» в Кузнецке сопровождалась убийством 325 местных интеллигентов.

Говоря о крестьянском восстании в Енисейской губ., историк весьма категорически свидетельствует, что предводителями повстанческих «банд» были иногда интеллигенты, даже офицеры: «с точки зрения начальства, все восстания объяснялись воздействием большевицких агитаторов, но большинство восстаний не имело ничего общего с большевизмом» (стр. 135–136). Большевицкие материалы, приведенные в книгах «Партизанское движение в Сибири», «Борьба за Урал», «Последние дни Колчака» (Этот материал решительно между прочим опровергает версию, приписавшую лично адм. Колчаку распоряжение 28 марта 1919 г. о расстреле заложников, взятых в деревнях. Это было распоряжение ген. Розанова, впрочем, отмененное 24 июня 19 г., немедленно после подавления восстания в Канонном уезде. Этим распоряжениям надо противопоставить другие распоряжения Колчака, говорившие о недопустимости жестокостей и нарушения имущественных прав мирного населения, требовавшие от командиров отрядов не допускать в виде кары сжигания деревень, хотя бы в них были причастные к восстанию, учреждавшие комиссии по разбору жалоб и т. д. А. В. Колчак в своих весьма искренних показаниях высказывал даже сомнение в том, что ген. Розанов мог бы издавать распоряжения о сжигании сел в интересах подавления восстаний. Он отмечал, что всегда запрещал какие бы то ни было телесные наказания и предавал суду виновных в подобного рода деяниях. Вообще, показания адм. Колчака вводят существенные коррективы к обычному изложению (его характеристика, напр., атаманщины). Хотя П. Н. Милюков на них ссылается, но по тексту не видно, чтобы он ими пользовался.) совершенно отчетливо выясняют картину, и нет никакого сомнения в том, что движение именно в Енисейской губ. было спровоцировано в значительной степени демагогией большевиков. Главные руководители этого движения б. шт.-кап. или фельдфебель Щетинкин и с. – р. Кравченко, если не были официально коммунистами, то действовали по инструкциям партии и связаны были с

партийным центром.

(дополнение ; ldn-knigi:

<http://res.krasu.ru>

(Петр Ефимович Щетинкин (1885 – 1927) родился в Рязанской губернии в семье крестьянина. С 1906 года служил в царской армии. Службу проходил в Ачинске. В 1913 году окончил школу прапорщиков. За храбрость, проявленную на русско-германском фронте, награжден четырьмя георгиевскими крестами и медалями, дослужился до штабс-капитана. В 1917 году он возвращается в Ачинск, годом позже вступает в партию большевиков.

После захвата Ачинска белогвардейцами Щетинкин уходит в подполье, создает партизанский отряд. В апреле 1919 года отряд соединился с партизанской армией А. Д. Кравченко.

Армия, насчитывающая до 18 тысяч бойцов, вела успешные бои с частями белогвардейцев в Урянхайском крае, в сентябре 1919 года освободила Минусинск и в начале января 1920 года, изгнав интервентов из многих районов Енисейской губернии, соединилась с частями Красной Армии.

После разгрома войск Колчака Щетинкин боролся против Врангеля в Крыму и против банды Унгерна в Монголии.

В 1923 году по приглашению правительства Монгольской народной республики выехал в Улан-Батор, работал инструктором Монгольской Государственной Военной охраны.

Умер П. Е. Щетинкин в городе Улан-Баторе 30 сентября 1927 года. Похоронен в Новосибирске.

В Абакане, Красноярске, Ачинске, Кызыле и других городах и селах его именем названы улицы, площади. Ему воздвигнуты памятники в Новосибирске и Минусинске.

<http://www.hrono.ru/sobyt/1921mong.html#yngern>

Щетинкин Пётр Ефимович 21.12. 1884(2.1.1885), с. Чуфилово, ныне Клепиковского района Рязанской обл., – 30.9.1927, Улан-Батор, похоронен в Новосибирске,

один из руководителей партизанского движения в Сибири во время Гражданской войны 1918–20. Член КПСС с 1918. Родился в крестьянской семье. Жил в Сибири, был плотником. Во время 1-й мировой войны 1914–18 был награжден 4 георгиевскими крестами и 2 французскими орденами и как полный георгиевский кавалер произведен в прапорщики; в 1917 штабс-капитан. После Октябрьской революции 1917 активно участвовал в установлении Советской власти в Ачинске, был начальником угрозыска и начальником оперативного отдела Ачинского совета. В конце мая 1918

командир красногвардейского отряда в борьбе с белочехами и белогвардейцами. После падения Ачинска на подпольной работе, руководил созданием партизанских отрядов. В конце 1918 возглавил объединённый партизанский отряд и разбил отряд карателей, а в начале 1919 соединился с партизанским отрядом А. Д. Кравченко (Енисейская губ.) и стал начальником штаба партизанской армии. В 1920 член Чрезвычайного ревтрибунала, судившего бывших колчаковских министров, затем заместитель председателя Ачинского уездного исполкома и член уездного комитета партии. В 1920 в составе отряда партизан-добровольцев воевал против войск генерала П. Врангеля. В 1921 начальник экспедиционного отряда Красной Армии, направленного по просьбе Сухэ-Батора и указанию В.Ленина на помощь МНР, участвовал в ликвидации банд генерала Унгерна. В 1922–26 начальник штаба войск ОГПУ Сибирского пограничного округа. В 1927 по приглашению правительства МНР работал в Монголии инструктором Государственной военной охраны. Награжден орденом Красного Знамени.

<http://capral-new.narod.ru/history/zgeorg/zgeorg.htm>

... Строителем в мирной жизни был и другой полный Георгиевский кавалер – уроженец деревни Чуфилово Касимовского уезда (теперь Клепиковского района) Рязанской губернии Петр Ефимович Щетинкин. Мещерская сторона, где он рос, была лесиста, с малопродуктивными песчаными землями. Из-за нехватки хлеба местные крестьяне истари были вынуждены прирабатывать ремеслами, искать занятия на стороне. С 16 лет Петр стал плотничать вместе с отцом, сначала в окрестных деревнях, затем в Москве. Ранняя трудовая жизнь воспитала в нем упорный, способный преодолевать жизненные трудности характер. Так, несмотря на тяжелый физический труд, каким тогда являлось плотницкое дело, он постоянно занимался самообразованием, став грамотным человеком.

Осенью 1906 года Петра Щетинкина призвали в армию для прохождения действительной службы. А ее престиж, несмотря на все тяготы и опасности, в глазах подавляющего большинства рязанских крестьян был высок. В своих сыновьях-солдатах они видели защитников Отечества, родной земли. Как и другим новобранцам, родные и односельчане наказывали Петру служить честно, с усердием.

Срочную службу Щетинкин проходил в далекой Сибири, в городе Ачинске Енисейской губернии (теперь Красноярского края). Смешленного грамотного рязанца направили в учебную команду дислоцировавшегося в Ачинске и его окрестностях 29-го пехотного полка. Военная служба ему,

сызмальства приученному к терпению, повседневному труду и артельной дисциплине, была не в тягость. И унтер-офицер Петр Ефимович Щетинкин решил остаться на сверхсрочную. Обзавелся семьей, а полк помог выстроить добротный дом. Пошли дети.

С началом первой мировой войны 29-й пехотный полк был переброшен на запад и вошел в состав знаменитой 2-й армии генерала А.В. Самсонова, своим жертвенным наступлением в Восточную Пруссию в августе 1914 года спасшей Францию от неминуемой катастрофы. У Щетинкина ответственная должность фельдфебель пехотной роты. По уставу он являлся ближайшим помощником командира по поддержанию порядка и дисциплины, административным и хозяйственными вопросам, в отсутствие офицеров замещал его. На нем каждодневная забота о квартировании, питании, обмундировании, обеспечении амуницией и боеприпасами многих десятков солдат. Но фельдфебель Щетинкин не только расторопный хозяйственник-интендант – он прежде всего храбрый и умелый воин, авторитетный начальник.

Следует отметить, что престиж унтер-офицерского состава в русской армии был исключительно высок. Вот свидетельство бывшего унтера и Георгиевского кавалера Георгия Константиновича Жукова: «Основным фундаментом, на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав, который обучал, воспитывал и цементировал солдатскую массу. Кандидатов на подготовку унтер-офицеров отбирали тщательно. Отобранные проходили обучение в специальных учебных командах, где, как правило, была образцово поставлена боевая подготовка... Офицеры подразделений вполне доверяли унтер-офицерскому составу в обучении и воспитании солдат. Такое доверие, несомненно, способствовало выработке у унтер-офицеров самостоятельности, инициативы, чувства ответственности и волевых качеств. В боевой обстановке унтер-офицеры, особенно кадровые, в большинстве своем являлись хорошими командирами».

Вот таким командиром и был фельдфебель пехотной роты рязанцев Петр Ефимович Щетинкин. За мужество и отвагу в боях, совершение определенных Георгиевским статутом ратных подвигов он стал полным бантистом. А как опытный боевой командир был из нижних чинов произведен в офицеры. К его прежним наградам скоро прибавились новые: орден св. Анны 4-ой степени с надписью «За храбрость», орден св. Станислава 2-ой степени с мечами, два французских знака отличия.

<http://res.krasu.ru>

Александр Диомович Кравченко (1881 – 1923) родился в Воронежской

губернии. В 1905 году окончил Саратовскую сельскохозяйственную школу. За революционную пропаганду среди крестьян был приговорен к двухлетнему тюремному заключению. Мобилизованный в царскую армию, он окончил школу прапорщиков, но за работу в военно – революционной организации был отчислен из нее. Избегая преследований, Кравченко уехал в Енисейскую губернию. В 1914 году был снова призван в царскую армию – стал начальником продовольственного пункта в Ачинске.

После Февральской революции Кравченко работает в Ачинской городской милиции, затем на продовольственном пункте, где принимает участие в организации полкового Совета солдатских депутатов 13-го Сибирского стрелкового полка.

Когда в Енисейской губернии власть захватили белогвардейцы, установил связь со Степно-Баджейским большевистским подпольем и возглавил партизанское движение.

А. Д. Кравченко избирается командующим партизанской армии, а П. Е. Щетинкин – его помощником.

В июне 1919 года под напором превосходящих сил колчаковцев партизанская армия оставила Степно-Баджейскую республику и ушла в далекий рейд. В походе участвовало 3570 человек. В исключительно тяжелых условиях боевые командиры Кравченко и Щетинкин сумели провести армию таежными тропами в Минусинский уезд, затем через Саянский хребет в Туву. Здесь они дали решающий бой атаману Бологову, освободили Белоцарск (ныне Казыл) и пошли обратно. 14 сентября 1919 года партизаны освободили Минусинск. Затем Новоселово, Балахту, в Ачинске и Красноярске соединились с частями Красной армии.

В 1920 – 1921 годах Кравченко воевал против Врангеля.

После окончания гражданской войны он был председателем комиссии по восстановлению разрушенного хозяйства, особо уполномоченным по формированию добровольческих частей при Восточно-Сибирском округе, инспектором по коллективизации сельского хозяйства в Центральном отделе коллективных хозяйств Наркозема. С 1922 года Кравченко – заведующий губземотделом в городе Пятигорске.

21 ноября 1923 года Кравченко умер в Ростове-на-Дону. ldn-knigi)

Возьмемте протоколы так называемого первого крестьянского съезда канского, красноярского и ачинского уездов, где выступают «тов. Кравченко» – командующий «крестьянской армией» и «тов. Щетинкин» командующий ачинским отрядом. Их речи носят чисто большевицкий характер, постановления съезда таковы же. Напр., по «текущему моменту»

резолуция съезда началась словами: «убедившись воочию в пользе, приносимой советской властью» и в том, что «власть советов есть наша непосредственная власть»...

«Социалист-революционер» Кравченко весьма недвусмысленно грозит в своих обращениях «красным террором». Начальником штаба мамонтовской партизанской армии был также коммунист, Жегалин (Мамонтов и Щетинкин впоследствии участвовали в Чр. Рев. Суде над колчаковскими министрами (май 1920).). Коммунистические ячейки действуют и в алтайском районе. Распоряжения партизанским отрядам на «шиткинском фронте» отдаются открыто на бланках РСФСР от имени «военно-революционного штаба». Именем «штаба» командиры уполномочиваются «арестовывать, судить и уничтожать лиц, замеченных в контрреволюционной работе». В указанных выше книгах П. Н. Милюков мог бы найти обильный материал, опровергающий целиком многие и многие из его заключений. Прав в значительной степени коммунист Ширямов в своем очерке «Борьба с колчаковщиной» писавший:

«Взгляд на развернувшееся в Сибири грандиозное партизанское движение, как движение чисто стихийное, взгляд ошибочный. Опубликованные Истпартом документы, достаточно подтверждают сказанное. Это было движение, это была борьба, организованная с первого же выстрела коммунистической партией... Крестьянские массы шли в бой... под руководством коммунистов»... «Два основных района партизанской борьбы сибирского крестьянства – Алтайский и Енисейско – Минусинский – оба начали эту борьбу с выступления мелких отрядов, во главе которых стояли коммунисты».

Для того, чтобы представить себе «идеологию» этого рода партизанщины, достаточно процитировать статью о международном положении, напечатанную в № 41 «Военных Известий» шиткинского партизанского фронта ..."Во многих местах полился уже кровавый дождь. Причина вновь начавшейся кровавой бойни есть парижская мирная конференция, заседающая в Версале, члены которой высшие аристократы, буржуа всего мира». ..."Каждое вновь образованное государство старается захватить себе лакомый кусочек земли. Вот на этой то почве разгоралась новая капиталистическая война с многочисленными человеческими жертвами» и т. д.

П. Н. Милюков, не познакомившись с существующей литературой, для своих характеристик пользуется запиской кап. Калашникова, которая была представлена ген. Гайде и напечатана в воспоминаниях этого чешского «генерала». Автор пользуется ею без критики, слепо доверяя

источнику, который он считает очень ценным. Едва ли можно с этим согласиться без оговорок. Кто такой кап. Калашников? Бывший слесарь красноярских железнодорожных мастерских, числившийся в партии с. – р. с 1905 г. и неоднократно из нее исключавшийся, начальник осведомительного отдела ген. Гайды. В Иркутске он действует в полном контакте с эсерами – «левыми эсерами», по терминологии П. Н. Милюкова. В то время, как Политический Центр вел переговоры с коммунистами о совместном выступлении против колчаковского правительства, в военном повстанческом штабе были уже представители коммунистической партии. В дальнейшем кап. Калашников оказывается определенно в лагере большевиков.

В действительности этот разведчик чешско-русского генерала был близок большевикам и раньше. В Иркутске дни приказ командовавшего «народно-революционной» армией 7 февраля 1920 г. начинался так: «Черная туча каппелевцев у красного Иркутска. .. Красная Российская армия стремится на соединение с нами». В приказе штаба восточносибирской армии прямо говорится: «наш товарищ Калашников»... Очевидно, здесь сказывались не только влияния, как думает Милюков, контролировавшего кап. Калашникова большевицкого «комиссара-солдата» (Калашников не ужился с большевиками и позже попал также в эмиграцию.)...

Никакой авторитет ген. Гайды не может заставить безоговорочно верить суждениям контрразведчика, с. – р. – большевика, – суждениям, современным событиям и находящимся в противоречии с тем, что рассказали уже для истории сами большевики... Наконец, слишком просто объяснение П. Н. Милюкова всего крестьянского движения в Сибири «произволом военных властей». Познакомившись с материалом, историк увидел бы, между прочим, что демагогия большевиков имела преимущественно успех среди неустроившегося переселенческого элемента, т. е. выступает социальный мотив. Мало того, сибирская «жакерия» носила подчас своеобразный характер междоусобных крестьянских столкновений примеры можно найти и у Колосова. Должен был бы П. Н. Милюков отметить, конечно, и последующий этап крестьянского партизанского движения в Сибири (1921 г.) – этап антибольшевицкий. Об этом автор просто умалчивает.

При характеристике действий чешских легионеров в Сибири, П. Н. Милюков почти исключительно следует за мемуарами Гайды.

Если бы автор познакомился с воспоминаниями ген. Болдырева, книгой Колосова и пр., он должен был бы изменить кое-что в своем

изложении – и прежде всего утверждение, что перед переворотом 18 ноября чехи были главной военной силой на фронте.. Тогдашний командующий войсками устанавливает другое. Прочтя записки ген. Болдырева, П. Н. Милюков стал бы меньше верить и в непогрешимость тактики «темной и роковой фигуры» Гайды, по выражению А. И. Деникина, и во всяком случае в непогрешимость его «весьма содержательных и убедительных» воспоминаний. Этот командир, действовавший то с Колчаком, то против Колчака, то с эсерами, то против них, свои «ультиматумы» предъявлял не только Верховному Правителю, но и ген. Болдыреву, при чем грозил при неисполнении требований двинуть войска и устроить в Омске такой порядок, что там «долго будут помнить» (Гайда при Болдыреве требовал устранения нач. штаба Сибирской армии ген. Белова в 48 часов; при Колчаке Гайда протестовал против «стратегической нелепости» приказов ген. Лебедева – и Милюков зачем то безоговорочно становится на сторону Гайды). При характеристике Гайды всегда вспоминаются слова полк. Пишона: «Мечется во все стороны и дерется растопыренными пальцами вместо кулака – хороший батальонный командир». Бар. Будберг характеризует «дикие выходки» Гайды, как «своеобразную атаманщину».

П. Н. Милюков разделяет всецело стратегические планы Гайды. Мы их не будем разбирать. План Гайды якобы состоял в соединении с ген. Деникиным. По изложению Милюкова, вслед за «весьма убедительными» воспоминаниями Гайды, выходит так, что план был отвергнут из-за честолюбивых соображений Колчака. Гайда приводит якобы подлинные его слова: «кто первым придет в Москву, тот будет господином положения» (стр. 129). П. Н. Милюков от себя добавляет:

«русские источники так же, как и последующие события, подтверждают правильность его (т. е. Гайды) точки зрения». Здесь кроется, однако, существенное недоразумение – русские источники не подтверждают как раз правильности изложения дела в мемуарах Гайды. Косвенное подтверждение можно, правда, найти в воспоминаниях ген. Будберга, при чем последний оговаривается, что этому не верит («злые языки шопотом шипят»). Поэтому ссылаться на бар. Будберга, как это делает Милюков, совершенно невозможно. Русские источники говорят, что согласие на северное направление было дано под влиянием ген. Нокса. «Реакционер и карьерист» ген. Сахаров как раз отстаивал движение на юг.

(Ген. Сахаров, проделавший, между прочим, сибирский ледяной поход, выпустил в 1923 г. книгу «Белая Сибирь»). П. Н. Милюков ее игнорирует в силу, очевидно, реакционности взглядов ген. Сахарова.

Между тем, книга при некоторой наивности политических взглядов автора, производит хорошее впечатление своей прямоотой. Ген. Сахаров определенно утверждает, что Гайда всегда отстаивал идею движения на Вятку, набрасывая широкие перспективы соединения с Архангельском и занятия Москвы. Ген. Нокс убежден был, что в половине июня Гайда будет в Москве. Чтобы понять положение вещей, достаточно припомнить более раннюю телеграмму Вологодского Директории от 25 сентября. Она гласила, между прочим: «помощь союзников обеспечена в случае назначения командующим ген. Гайды. Американцы заявили, что помогают чехам ... Назначение Гайды свяжет Америку, обеспечит наши интересы». Естественно, что и Сахарову и Лебедеву было трудно в таких условиях отстаивать поддержку «волжского фронта».).

Напомним, что А. И. Деникин, с своей стороны, подчеркивает и лояльность и честность в отношении себя сибирского Верховного Правителя. Сахаров передает слова Колчака, выразившие надежду на то, что именно Деникин возьмет Москву. Был момент, когда Колчак, узнав об успехах Деникина от прибывшей в Омск делегации с юга, хотел отказаться от прерогатив «верховного правителя». Нет, словам Гайды-мемуариста без критики доверять нельзя (Подобные суждения отзывают тем памфлетом г. Завойко, о котором упоминает в V т. своих «Очерков» А. И. Деникин.). В записках ген. Болдырева историк может найти немало материала для характеристики «демократичности» Гайды, его участия во владивостокском перевороте и т. д. Одним словом, облик сибирского «героя» сильно поблек бы в изложении П. Н. Милюкова при ознакомлении с другими «русскими» источниками...

(дополнение ; ldn-knigi:

<http://www.lenta.cz/0104/14gajda.htm>

Властелин Сибири

стал вождем чехословацких фашистов

владимир врангель / русская чехия

53 года назад, 15 апреля 1948 года, в своем пражском доме тихо скончался опальный вождь чехословацких фашистов Радола Гайда. Проводить в последний путь одного из наиболее противоречивых персонажей чешской истории пришли только самые близкие люди. Его могила на Ольшанском кладбище быстро заросла бурьяном. И сегодня о генерале предпочитают не вспоминать. Между тем было время, когда имя Радолы Гайды знали далеко за пределами Чехословакии, а на огромном пространстве от Волги до Владивостока его величали не иначе, как Властелин Сибири. В ту пору нашему герою едва исполнилось 26 лет.

загадочная юность

Первые 25 лет биографии будущего генерала окутаны плотной пеленой домыслов и загадок. Достоверно известно только, что Рудольф Гейдл, ставший впоследствии Радолой Гайдой, родился 14 февраля 1892 года в портовом городке Котор на территории нынешней Черногории. Еще известно, что он был старшим из пяти детей Яна и Анны Гейдлов, и вскоре после рождения первенца все семейство перебралось на родину отца в Моравию. Дальше начинается сплошная череда неувязок. Непонятно, где учился маленький Рудольф, и учился ли вообще. Непонятно, как попал на воинскую службу. Документов об окончании гимназии в моравском городке Кийов не сохранилось, как, впрочем, и подтверждений об обучении в Лозанне и Париже. Установлено лишь, что в 1913 году 21-летний Радола Гаида осел в албанском городишке Скадар, женился на Зорке Пироновой и даже обзавелся собственной лавкой хозтоваров. Успешной торговле и тихой семейной жизни помешала первая мировая война.

С началом боевых действий Радола Гаида вернулся в Австро-Венгрию и был призван на военную службу. Летом 1915 года он оказался в Сараево, а уже в сентябре у местечка Вишеград был взят в плен черногорскими соединениями. Каким-то загадочным образом Гаиде удалось избежать лагеря для военнопленных, а в конце осени 1915 года он уже числился офицером черногорской армии. Поговаривали, что он сам сдался неприятелю и сам попросился добровольцем в их армию. Благо, местные диалекты Радола освоил еще перед войной.

Повоевать на стороне Черногории ему удалось всего несколько месяцев. К началу 1916 года карликовая армия практически прекратила свое существование. Перед Гаидой открылась не очень заманчивая перспектива австрийского плена с последующим судом за дезертирство и измену. По законам военного времени ему светила вышка. На этом в биографии нашего героя можно было бы поставить точку, если бы на помощь ему не подоспели русские. Позднее сам Гаида так рассказывал об этой счастливой встрече: «Начальник русской санитарной миссии полковник Чабриков выдал мне форму русского врача и новые документы, в которых я был назван сотрудником русской миссии, возвращавшимся на родину». Таким образом, весной 1916 года 24-летний Радола Гаида оказался в России.

от капитана к генералу

Первые несколько месяцев юный чех воевал на стороне России в составе Сербского корпуса. Попасть туда опять же, помогло знание

югославских наречий. Только в конце 1916 года он попросился в Чехословацкий легион. 30 января 1917 года Гайда был назначен младшим офицером 4-й роты 2-го стрелкового полка в чине штабс-капитана, который он получил, судя по всему, не совсем законно во время «бегства» из Сербии в Россию.

Во второй половине июня удачливый офицер уже получил должность временного командира 1-го батальона полка. Новое назначение позволило ему несколько дней спустя проявить героизм в знаменитом сражении у Зборова. В решающий момент 25-летний штабс-капитан принял на себя командование всем южным направлением и повел солдат в бой. Настоящий командующий подразделениями на этом участке, русский подполковник Зембалеvский, не смог отдать приказ к наступлению, поскольку был мертвецки пьян. В результате успешной атаки на позиции противника у Зборова командовали два молодых чешских офицера – Станислав Чечек на севере и Радола Гайда на юге. Через неделю Гайда снова отличился в боях с немцами у деревеньки Волосовки.

Русское командование по достоинству оценило доблесть молодого штабс-капитана. 12 июля 1917 года он был повышен до звания капитана и назначен командиром своего полка, став первым чехом, занявшим столь высокий пост в русской армии. Кроме того, за проявленный героизм ему пожаловали орден святого Георгия четвертой степени. Награду герою лично вручил председатель Временного правительства Александр Керенский.

Большевистский переворот Гайда встретил в военном госпитале. Скорее всего, речь шла о дипломатической болезни, ибо чехословацкое командование стало живо интересоваться не совсем чистым прошлым капитана перед тем как перебросить его вместе с другими легионерами во Францию. В госпитале Радола Гайда отпраздновал свое 26-летие, а сразу после «выздоровления», 28 марта 1918 года, он был назначен командиром 7-го Татранского стрелкового полка.

Чехословацкие соединения в это время двигались в сторону Владивостока, чтобы оттуда морем вернуться на родину. Отдельные части были разметаны вдоль Транссибирской магистрали от Челябинска до Иркутска. Продвижение на восток шло очень медленно. Советские власти предъявляли все новые и новые требования, да и союзники не спешили с предоставлением кораблей для перевозки многотысячной армии.

В мае 1918-го на съезде чехословацкого войска в Челябинске было принято решение выбираться из сложившейся ситуации самостоятельно, полагаясь только на собственные силы. Присутствовавший на съезде

капитан Гайда получил в свое распоряжение все чехословацкие эшелоны от Ново-Николаевска (ныне Новосибирск) до Иркутска, то есть на отрезке более двух тысяч километров.

Поводом для вооруженного выступления послужило нападение на чешский состав в Красноярске 22 мая. По приказу Гайды войска перешли к активным действиям. Три дня спустя был захвачен Мариинск, через неделю Ново-Николаевск. На штурм этого города с 60-тысячным населением ушло всего 40 минут.

9 июня, проведя успешную операцию в западном направлении, отряды капитана Гайды встретились у станции Татарская с частями Челябинской группировки полковника Войцеховского. 20 июня под натиском объединенных войск пал Красноярск, а 11 июля – Иркутск. За несколько дней до этого Радола Гайда стал полковником.

1 сентября 1918 года, разбив оборону противника в районе байкальских тоннелей, отряды полковника Гайды соединились на станции Оловянная с частями Владивостокской группировки. На западном фронте к этому времени уже были взяты Самара и Екатеринбург. Таким образом, под контроль чехословацких легионеров перешла вся Транссибирская магистраль от Волги до Владивостока.

Большую часть Сибири освободили от большевиков именно части под командованием Радола Гайды. Этот выдающийся успех не остался без внимания. 2 сентября 1918 года, то есть через день после победы у Оловянной, 26-летний полковник стал генералом. К этому времени его имя уже было одним из самых популярных в Сибири. На службу в его войска записывались даже элитные царские офицеры.

во главе белой армии

26 сентября 1918 года генерал Гайда получил новое назначение. Он стал командующим 2-й стрелковой дивизии, воевавшей против Красной Армии на Урале. Штаб генерала переехал в Екатеринбург. В отличие от Поволжья, где большевики достаточно успешно теснили чехов, уральские соединения перешли в наступление. В ноябре 1918 года в условиях жесточайшей уральской зимы Радола Гайда провел свою, быть может, самую блестящую операцию. 24 декабря была захвачена Пермь. Противник понес огромные потери: 20 тысяч человек пленными, 5 тысяч вагонов, тысячу пулеметов и 60 орудий. В закованном льдом пермском порту осталась вся Камская флотилия.

За штурм Перми молодой военачальник был удостоен ордена святого Георгия третьей степени, став единственным чехом в истории, награжденным двумя степенями этой высшей воинской награды

Российской Империи. А уже через несколько дней, с разрешения генерала Штефаника, Радола Гайда покинул чехословацкие войска, чтобы 1 января 1919 года заступить в должность командующего Сибирской армией адмирала Колчака. Под его начало перешли 40 тысяч русских солдат и офицеров.

В течение зимы генерал провел несколько успешных операций на подступах к Вятке и Ижевску, однако вскоре вынужден был отойти и занять оборонительные позиции на перевалах Уральских гор. Его лучшие части были срочно переброшены в распоряжение генерала Ханжина, где готовилось решающее наступление на Уфу и Стерлитамак. В апреле 1919 года Западная армия генерала Ханжина потерпела сокрушительное поражение в Башкирии. Наступление колчаковцев захлебнулось.

В конце мая достигло апогея противостояние Гайды и начальника штаба Колчака генерала Лебедея, которого командующий Сибирской армии обвинил в поражении Ханжина. Поначалу Колчак принял сторону Гайды, определив под его начало еще и Западную армию. Однако вскоре, под давлением русских генералов, не желавших подчиняться приказаниям молодого чеха, адмирал отказался от этого решения. Оскорбленный Радола Гайда подал прошение об отставке, которая была принята 7 июля 1919 года.

Примерно в это же время состоялся последний разговор Гайды и Верховного правителя. Адмирал пытался остудить пыл чешского генерала: «Вы не понимаете русской специфики. От Вас этого никто и не требует. Вы сами прекрасно знаете, что не имеете даже военного образования для командования армией». Гайда парировал: «Могу Вам на это сказать, Ваше превосходительство, что несмотря на это, я прошел практическую школу, от солдата и командира роты до командующего армией. О моем образовании Вы знали и раньше, тем не менее, сочли возможным уговаривать генерала Штефаника, чтобы он позволил мне возглавить Вашу армию. С тем же успехом могу сказать, что Ваше образование касается исключительно морской службы, а не сухопутной. Вы тоже не имеете теоретических понятий о командовании армиями, и, тем более, об управлении целой империей. Смее заверить, между руководством несколькими кораблями и империей есть очень большая разница». На этом бывшие соратники расстались.

В августе 1919 года Радола Гайда отбыл во Владивосток. В ноябре он попытался поднять мятеж против Колчака. Восстание было жестоко подавлено. Генерала спасло от расправы только поручительство чехословацкого командования, пообещавшего, что он немедленно оставит

Россию. 28 ноября 1919 года бывший Властелин Сибири навсегда покинул российскую землю на палубе парохода «Пенза». Ему шел 28-й год.

В Чехословакии легендарного генерала не особенно ждали. Почти год он находился не у дел, целиком посвятив себя сочинению мемуаров. Вскоре Радола Гайда был назначен командующим 11-й пешей дивизией в Кошицах, а в 1924 году стал первым заместителем начальника генерального штаба. С этой должности началось его стремительное падение.

опала и забвение

В 1928 году во время поездки по Уралу Владимир Маяковский сочинил коротенький стишок о местах, где «порол Пепеляев, свирепствовал Гайда, орлом клевался Верховный Колчак». Таким образом, чехословацкий генерал стал единственным чехом, увековеченным в стихах великого пролетарского поэта. Сам Радола Гайда к тому времени был обвинен в шпионаже в пользу Советской России, и, по личному распоряжению президента Масарика, лишен всех званий и жалования.

Оставшись без работы, Гайда ударился в политику и вскоре стал лидером чехословацких фашистов.

Он неоднократно избирается депутатом парламента, предпринимает многочисленные попытки организовать путч, несколько раз арестовывается, но в результате все же остается на свободе. Во время нацистской оккупации генерал практически отходит от активной жизни. Несмотря на это, вскоре после освобождения Чехословакии от фашистов его вновь арестовывают и обвиняют в сотрудничестве с оккупантами.

4 мая 1947 года суд приговорил Гайду к двум годам заключения, а, поскольку большую часть этого срока он уже отсидел, через восемь дней после вынесения приговора опальный военачальник вышел на свободу. В свои 56 лет выглядел он, однако, как 80-летний старец. Оно и неудивительно: событий его бурной биографии с лихвой хватило бы на десяток жизней.

На свободе генерал засел было за второй том воспоминаний, но не успел написать и главы. Через 11 месяцев после освобождения Радола Гайда скончался.

Ордена Радолы Гайды

За время своей не очень долгой, но бурной военной карьеры генерал Гайда удостоился целого ряда высших государственных наград Российской Империи. Он был награжден орденом святой Анны с мечом 1-й, 2-й и 3-й степени, орденом святого Станислава с мечом 1-й и 2-й степени, орденом святого Георгия 3-й и 4-й степени, орденом святого

Владимира с мечом 4-й степени, знаком отличия военного ордена для офицеров. Кроме того, Радола Гайда был отмечен чехословацким военным крестом и чехословацким орденом Сокола, а также государственными наградами Сербии, Польши, Великобритании, Франции, Италии и Румынии. – дополнение ; ldn-knigi)

Я уже указывал, что некоторые ссылки П. Н. Милюкова носят только формальный характер. Вот яркий пример. На стр. 17 имеется примечание: «относительно московских политических организаций в 1918–19 г. г. интересные материалы опубликованы в сборниках «На Чужой Стороне». И дальше идет указание на воспоминания В. А. Мякотина о «Союзе Возрождения», мои о деле «Тактического Центра» и т. д. Между тем, в тексте абсолютно не видно, чтобы автор использовал указанные материалы. Они настолько чужды сознанию Милюкова, что он предпочитает излагать соглашение, к которому пришли в Москве летом 1918 г. «Союз Возрождения» и «Национальный Центр» – т. е. соглашение русских общественных организаций – по иностранному источнику: по имевшейся у Милюкова копии «вербальной ноты» Нуланса, которому «примирительные формы» «очевидно, – говорит автор – были «сообщены левыми партиями». «Даже судя по ним, видно – добавляет П. Н. Милюков – что в соглашении было много недоговоренного». Жаль, что Милюков не воспользовался текстом Мякотина, где соглашение изложено совершенно точно – и не только по воспоминаниям, но по сохранившейся копии оригинала, имевшейся у меня. П. Н. Милюков на основании «вербальной ноты», неизвестно кем доставленной, изображает «соглашение, которое якобы сводилось к тому, что «Учредительное Собрание старого состава соберется, но только на два-три заседания и без большевицких членов, в каком-нибудь городе Восточной России, чтобы дать санкцию власти временной, но сильной и способной к действию, как напр., военной диктатуре или триумvirату» (41). Если в первой половине мемуаристы непосредственные участники соглашения, друг другу до некоторой степени противоречат, то нет уже никаких сомнений в том, что никакого «или» в соглашении быть не могло: на «военной диктатуре» соглашения не было, иначе совершенно бессмысленными оказались бы дальнейшие споры о возможной форме временной государственной власти, которые велись на Ясском совещании и в Одессе и которые, в конце концов, привели к полному расхождению на юге общественных деятелей – представителей «Союза Возрождения», «Национального Центра», «Совета Государственного Объединения», «Союза городов и земств». Ни о какой «диктатуре» не упоминает, конечно, Н. И. Астров, излагая в своей статье

«Ясское совещание» («Голос Минувшего», 1926, № 3) ту же «вербальную ноту Нуланса».

Для метода П. Н. Милюкова пользования источниками очень характерен и такой пример. Беру его в виде исключения из первого тома исследования П. Н. Милюкова, где в главе шестой автор резюмирует содержание не напечатанной еще главы из выпуска его «Истории второй революции». П. Н. Милюков говорит, что в ожидании опубликования архивных данных глава эта составлена на основании корреспонденций из провинции, печатавшихся в газетах того времени, главным образом, в «Русском Слове» и «Русских Ведомостях»: «к комплектам этих газет я и отсылаю читателя». «Сводка о положении дел в провинции за март-май 1917 г., сделанная канцелярией Гос. Думы, по отчетам департаментов – добавляет автор – напечатана в «Красном Архиве», т. XX». Здесь опечатка – упомянутая сводка помещена не в XX книге «Кр. Архива», а в XV. Но дело в том, что материалы, имеющиеся в сводке, коренным образом противоречат тому, что говорит П. Н. Милюков и что он хочет иллюстрировать ссылкой на сводку Государственной Думы. Построение Милюкова отмечает планомерный рост аграрных волнений в деревне в первый период революции. Автор иллюстрирует это данными, заимствованными из газеты «Рабочий» (Это был орган большевиков, заменивший закрытый «Пролетарий»), которые были напечатаны 25 августа: в первой половине марта 3 волнения, во второй половине марта 9; апрель: 52–111; май 175–337; июнь 391–464; июль 481–288. Своего максимума разложение провинции достигает тогда, когда в деревню влилась струя вооруженных солдат с фронта. Развитие аграрных волнений идет постепенно и последовательно в связи с двусмысленностью в отношении правительства к аграрному «правотворчеству, пропагандировавшемуся Черновым и нашедшему благодарную почву в настроении крестьян».

Не так однако все просто, как это кажется историку гражданской войны. Делая ссылку на сводку депутатов Государственной Думы, историк должен был пояснить противоречие, которое усмотрит читатель, если действительно вздумает обратиться к XV книге «Красного Архива». Сводка составлена заведывавшим отчетно-делегатским отделом П. Романовым и приходит к таким выводам: «В заключение можно сказать, что первый революционный период взбаламученного моря к концу 3-го месяца приблизительно закончился, ломка произошла, и произошла замена старых форм новыми. Через большие потери, через неурядицу, темноту и отсутствие необходимых культурных сил дело все-таки идет, и

организация новой жизни налаживается. В следующем обзоре можно дать уже картину устоявшейся воды государственной жизни, если в наше время можно надеяться, что она устроится». Этот «мрачный», по выражению Романова, отчет отмечает между прочим, что «большой процент эксцессов обыкновенно падает преимущественно на те районы, где население слишком мало осведомлено о сущности и размерах переворота». Отчет отмечает и то, что «за всё три месяца революции в деревне не было ни одного случая применения вооруженной силы для подавления крайних выступлений крестьян».

Я не специалист в этих вопросах и за специальной литературой не слежу. Но все же, думается, что едва ли прав П. Н. Милюков, когда в книге, вышедшей в 1927 г., опирается только на газетные сообщения в ожидании опубликования архивных данных. Нельзя, напр., не обратить внимания на то, что в общих исторических журналах кое-какие архивные данные были уже опубликованы. Раз П. Н. Милюков пользуется XV томом «Красного Архива», то почему ему избегать предшествующей книги этого журнала, где между прочим опубликованы некоторые архивные данные по интересующему нас вопросу – там напечатаны материалы по аграрному движению в 1917 году по документам главного земельного комитета. Картограмма главного земельного комитета относится к июлю и дает довольно наглядное представление о том, как шло аграрное движение в различных губерниях Европейской России. По количеству случаев крестьянских волнений все губернии разбиты на шесть групп: 10 волнений в 10 губерниях; 10–21 в семи; 25–50 в тринадцати; свыше 100 в пяти. «Очагом крестьянского движения сделались в центральных земледельческих районах Рязанская, Курская, Тамбовская, Тульская и Воронежская губ.; в средневожском – Казанская, Самарская, Симбирская и Пензенская губ.; в приозерно-западных губерниях – Псковская, Могилевская, Минская. От этих очагов крестьянское движение по направлению на север, восток и юг падает и интенсивность его слабеет». Небольшая статистическая справка по Орловской губ., которая на картограмме отнесена к группе губерний, где было 51–75 случаев крестьянских волнений, дает нам понятие о числовых соотношениях между различными видами беспорядков. Движение носило широкий массовый характер; из 504 анкет, полученных из разных мест видно, что движение было в 377 случаях и на 73 % захватило всю губернию. Беспорядки вспыхнули главным образом в апреле, на который падает свыше 50 % всех волнений. Из различных видов волнений наибольшее распространение получило: самовольный выгон скота весной 44 %, захват

владельческих лугов и земли под яровой посев 36 %. Слабее шли крестьянские беспорядки наиболее активного характера: удаление и арест владельцев и приказчиков имений (28 %) разгром и разбор имения (13 %) и захват имения в полном виде (4 %)».

Во всяком случае, эти данные расходятся с характеристикой П. Н. Милюкова роли земельных комитетов: они в конечном результате давали итог положительный в смысле введения стихийного аграрного движения в русло хотя бы некоторой «законности». В 1927 г. в серии «Архив октябрьской революции» был издан том материалов, посвященных «крестьянскому движению 1917 г.» – этим материалом П. Н. Милюков, конечно, хронологически не мог воспользоваться для своей работы. Здесь напечатаны сведения, поступившие в главное управление по делам милиции «о выдающихся происшествиях, правонарушениях и общем положении на местах за март-октябрь 1917 г.». В сущности, материалы выходят из рамок чисто крестьянского движения. Они очень интересны. Разбор не входит в мою задачу, и я отмечу лишь выводы, к которым пришли комментаторы материалов. Они указывают, что апрель-июль «дают невиданный в истории пример развертывания крестьянской борьбы за землю в условиях своеобразной легальности». Вместе с тем «природа этого движения определяется не разгромами. Во все эти месяцы преобладают своеобразные, в истории невиданные способы «мирной» борьбы с помещиком, вытекающие из крестьянского доверия к буржуазии и правительству буржуазии». «Существенно то, – продолжают комментаторы материалов – что стихийное доверие к буржуазии определяло преобладание в эти месяцы таких форм движения, которые по крестьянскому пониманию не противоречили законам и намерениям правительства». Должен отметить комментатор и то, что в августе «буржуазии удалось достигнуть некоторых дальнейших успехов в подавлении движения, и число имений, охваченных движением, уменьшилось, на 33 % против июльского».

Материалы эти требуют еще изучения. Повторяю, что они очень интересны и во многом изменяют обычные представления о крестьянском движении в месяцы февральской революции.

V. «Неточности»

Делая свое сообщение о книге П. Н. Милюкова в парижском академическом союзе, я указал, между прочим, что могу отметить в тексте более 85 различных «неточностей». Для исторического исследования, притом исследования, вышедшего из-под пера всеми признанного историка, это не мало и во всяком случае свидетельствует об излишней спешности, проявленной в работе. Мои слова вызвали иронические замечания со стороны автора отчета о моем докладе в «Последних Новостях». Не хочу быть голословным и в дополнение к уже сказанному, не повторяя сделанных замечаний, укажу еще на ряд «неточностей» разного характера, отмеченных мною при более или менее внимательном чтении второго тома исследования П. Н. Милюкова, т. е. на страницах, посвященных гражданской войне. И бесспорно, что по совокупности число «неточностей» значительно превысит указанную выше примерную цифру.

Стр. 1. Неверно, что в конце гражданской войны тактика вооруженной борьбы с большевиками сосредоточилась исключительно в «белых» армиях с откровенно реакционными стремлениями» (забыто партизанство).

Стр. 10. При Комитете Спасения Родины и Революции (1917 г.) в Петербурге действовала не только «военная комиссия социалистов-революционеров», разработавшая «целый план вооруженного свержения большевиков в согласии с казачьими отрядами ген. Краснова». (См. брошюру Игнатьева). При Комитете была своя военная организация, где участвовали нар. соц. и др.

Стр. 10. Не только «по слухам, усиленно распространяемым большевиками», а действительно в Могилеве готовилось создание нового Временного общесоциалистического правительства.

Стр. 11. Нельзя сказать, что Духонин «был убит матросом в дверях собственного вагона». Это не опечатка, ибо в немецком тексте сказано: «von einem Matrosen ermordet». Обстановка убийства носила совсем другой характер.

Стр. 11. Называть с. р. в период Учр. Собрания безоговорочно «недавними друзьями большевиков» едва ли возможно.

Отчего же этот термин с некоторой еще натяжкой не применить тогда уже к самому П. Н. Милюкову? Хотя его имя в начале революции и было «ненавистно» некоторым кругам, именовавшимся «революционной демократией» (свидетельство не только большевиков) и с именем

министра иностранных дел связывались препоны, которые ставили союзники возвращению в Россию эмигрантов-интернационалистов, питавших симпатии к Германии» (П. Н. Милюков опровергал сведения о давлении со стороны Временного Правительства, утверждая, что правительство не делает различий между сторонниками и противниками войны и что в этом смысле даны указания дипломатическим представителям) – тем не менее орган П. Н. Милюкова проявил после приезда Ленина 3 апреля в так называемом «запломбированном вагоне» исключительную объективность в отношении большевиков. Так, в заметке «Речи» было сказано: «Такие общепризнанные главы наших социалистических партий, как Плеханов и Ленин, должны быть теперь на арене борьбы, и их прибытие в Россию, какого бы мнения не держаться об их взглядах, можно приветствовать». Самую поездку через Германию «Речь» находила лишь бестактной, указывающей на «полную отчужденность от родной страны или сознательную бравату, которая несовместима с серьезным отношением к войне». А вот «Единство» Плеханова (недавнего «друга» Ленина), называя петербургскую речь Ленина «бредовой», противопоставляло Ленину и К-о Карповича и Янсена (лат. соц.), избравших для возвращения опасный путь и с честью погибших (между Англией и Бергеном их пароход взорван был немецкой подводной лодкой). По поводу «тезисов» Ленина была тревога не «Речь», а «Рабочая Газета». Она писала: «Революции грозит несомненная опасность. Пока не поздно, Ленину и его сотрудникам надо дать самый решительный отпор» (Заславский и Канторович: «Хроника февральской революции», 1924).

Стр. 12. Итоги выборов в Учредительное Собрание представлены не точно. Автор, пользуясь, по-видимому, данными брошюры Святицкого, пытается сообщить точные цифры поданных голосов в 54 округах (из 79). За списки с. – р. было подано 20.893.754 голоса; за буржуазные партии 4.620.000; за большевиков 9.023.963. За другие социалистические партии «только» 995.590: за меньшевиков 668.664; за народн. соц. 312.038; за «Единство» 25.498. (Простая арифметика дает другой итог даже по этим цифрам – 1.006.200).

Надлежит сделать оговорку, что данные о народных социалистах касаются только 33 округов (из 79). Раз исследователь украинских с. – р. причислил к общему списку, то тоже надлежало сделать по отношению к украинским с. – д. 95.117 голосов. Кроме того, украинские социалисты получили 506.887 голосов. Кооператоры везде шли с «Единством» или с народными социалистами. Следовательно, цифры должны измениться. Общая картина, конечно, не изменяется, но, очевидно, исследователь

придавал особое значение точным цифрам, раз поместил их в работе, где об Учредительном Собрании говорится на одной-двух страницах.

Стр. 13. «Союз Защиты Учр. Собрания», а не «Лига».

Стр. 14. Едва ли правильно сказать, что Кokoшкин и Шингарев «погибли от руки разнузданной солдатчины». Погибли они в больнице при смене караула. Еще не достаточно выяснено, в какой мере большевики инспирировали это убийство.

Стр. 17. Савинков не вел «совершенно самостоятельной личной политики», ибо находился в некоторой связи с «Нац. Центром» и отчасти с Добровольческой Армией.

Стр. 21. Переговоры с немцами, как уже было отмечено, вели не только «правые». Но были «правые», которые принципиально не допускали переговоров с вражеским станом. Среди них прежде всего Шульгин. Закрывая «Киевлянин», В. В. Шульгин писал 25 февраля: ..."так как мы немцев не звали, то мы не хотим пользоваться благами относительного спокойствия и некоторой политической свободы, которые немцы нам принесли... Мы были всегда честными противниками. И своим принципам мы не изменим. Пришедшим в наш город немцам мы говорим открыто и прямо. Мы ваши враги. Мы можем быть вашими военнопленными, но вашими друзьями мы не будем до тех пор, пока идет война. У нас только одно слово. Мы дали его французам и англичанам и пока они проливают свою кровь в борьбе с вами за себя и за нас, мы можем быть только вашими врагами, а не издавать газету под вашим крылышком»... Не убедил Шульгина и авторитет Милюкова, уверявшего его, что «мы накануне второго Седана» и «что Германия поставит Францию на колени» (письмо Шульгина Милюкову 11–24 марта 1921 г. в «Общем Деле»).

Стр. 21. Здесь «неточность более существенная, и я должен на ней остановиться подробнее. «Оба левые (?) Союза» (т. е. «Национальный Центр» и «Союз Возрождения») – пишет Милюков – по сообщению их участника Н. И. Астрова, приведенному в книге ген. Деникина, получили от союзников «крупную денежную помощь, оживившую сильно деятельность организаций; союзнические миллионы пошли на политическую работу центров, открытие провинциальных отделений и отчасти на образование каждым из них вооруженной силы, преимущественно офицерского состава». Критикуя немецкое издание книги П. Н. Милюкова, я указывал, что цитаты Милюкова взяты из III тома «Очерков» А. И. Деникина (стр. 78) и отмечал, что странным образом у Деникина ссылки на свидетельство Астрова нет. Да и не могло быть. Это

ясно, если продолжить укороченную у Милюкова цитату из книги Деникина. «Распределение сумм, писал Деникин – делалось по соглашению между президиумами, при чем последние относились крайне ревниво к своему приоритету, препятствуя, между прочим, непосредственному субсидированию союзниками Добровольческой Армии.

Большие союзнические деньги через центры или, может быть, непосредственно, шли на содержание всяких контрразведок, которые, как выяснилось впоследствии, работали одновременно на союзников, на немцев, давая сведения и московским центрам и армии». Было бы совершенно несуразно, если бы Астров, участник «Союза Возрождения», в записке, поданной А. И. Деникину, рассказывал о каких то контрразведках «Союза Возрождения». Ничего подобного, конечно, не было. Думаю, что не было этого и в «Национальном Центре», участником которого я не состоял и, следовательно, не был непосредственным свидетелем закулисной стороны его деятельности. Еще задолго до появления немецкой работы П. Н. Милюкова мне приходилось останавливаться на этих строках текста А. И. Деникина и указывать в № 7 «На Чужой Стороне», что Деникин до известной степени был введен в заблуждение какими то из своих информаторов. Я делал еще раньше в отзыве на III том «Очерков» А. И. Деникина предположение, что эту информацию А. И. Деникин получил через ген. Казановича, появившегося на горизонте Москвы летом 1918 г. в качестве представителя Добровольческой Армии (В письме, напечатанном в «Последних Новостях» 26 мая 1927 г. А. И. Деникин засвидетельствовал, что он все эти сведения получил не от Н. И. Астрова, а через ген. Казановича. Далее А. И. Деникин цитирует письма членов «Нац. Центра» и «Союза Возрождения» об организации военных ячеек и говорит: «таким образом, если по данному вопросу в «Очерках» действительно есть неточности, то причину их надо искать в первоисточнике». Но нигде, кроме, может быть, показаний ген. Казановича, нет никаких указаний на какие то контрразведки, организованные общественными организациями в Москве на союзнические деньги.). «Конечно, П. Н. Милюков может и не считаться с моими замечаниями – писал я по поводу немецкого издания книги Милюкова – но, мне кажется, что они должны были бы заставить его призадуматься над цитатой, которую он без оговорок вносит в немецкое издание, да еще со ссылкой на авторитет Астрова. В немецком издании требовалась бы сугубая осторожность в этих щекотливых вопросах». Могу только сказать, что П. Н. Милюков в русском издании, если не имел

возможности исправить текст, обязан был внести хотя бы оговорку в предисловии. Нельзя дважды повторять то, чего нельзя назвать иначе, как клеветой – при таких lapsus'ах приходится иногда вырезать из готовой книги страницы и перепечатывать их. По существу же ошибочно утверждение, что союзнические деньги шли на «политическую работу», на «открытие провинциальных отделений» и «отчасти» на образование вооруженной силы. Это «отчасти» совсем не к месту, ибо деньги шли на помощь Д. Арм., на отправку людей на юг и на восток. Из рассказа В. А. Мякотина явствует, что «Союз Возрождения» своих собственных военных организаций не создавал. Слишком очевидно, что П. Н. Милюков это подчеркивает лишь для того, чтобы показать легковесность московских планов, которым он не сочувствовал, и полную их зависимость от «Антанты».

Стр. 22. Небрежность – другого слова я употребить не могу пользования источниками приводит в тексте Милюкова к весьма неверным и сомнительным заключениям. Автор про вышеупомянутые военные организации «Нац. Центра» и «Союза Возрождения» говорит, касаясь весны и начала лета 1918 г.: «Эти группы, правда, были немногочисленны, постепенно раскрыты большевиками и уничтожены. Остатки их разбежались по окраинам». Откуда все это автор взял? Это просто неверно. Судя по примечанию, сделанному к тексту, где автор ссылается, между прочим, на мое свидетельство, видно, что Милюков соединил в одно совершенно разные вещи. Указанное примечание гласит: «По сообщению Деникина (III, 84), подтверждаемому С. П. Мельгуновым («Гол. Мин.», 1, 167), часть этих военных организаций была предана большевикам германцами, очевидно, знавшими о них из своих сношений с монархистами». Говорил я совсем про другое. На основании имеющихся у меня документов и личного расследования в Москве весной 1918 г., подтверждая данные А. И. Деникина о военных организациях, создавшихся на немецкие деньги, – сюда офицерство вовлекалось с провокационными целями, – я указывал на существование в Москве немецко-большевицкой контрразведки: с полным правом назвал Фрэнсис Мирбаха фактическим диктатором Москвы. Никакого отношения эти «немецкие» организации не имели к деятельности «Нац. Центра» и «Союза Возрождения». Как я отмечал, именно эта прямая и косвенная провокация должна была побудить общественных деятелей воздерживаться от переговоров с немцами.

Стр. 28. Про Ярославское восстание говорится, что оно держалось 11 дней, а по некоторым сведениям 17. Почему такая неопределенность,

когда можно сказать совершенно определенно: началось в ночь 5–6 июля и кончилось 21 июля. И сделанное автором примечание также неопределенно: «В «Кр. Книге ВЧК», по сообщению Мельгунова, большевики сами заявляли, что остатки Савинковского отряда в Ярославле переданы им германцами». Отряд «Северной добровольческой армии» сдался 21 июля германской комиссии военнопленных № 4 в Ярославле, действовавшей на основании брестского договора и обладавшей, по собственному признанию, сильной «боевой частью». Германская комиссия, находившаяся с 8 июля в «состоянии войны» с Северной добровольческой армией, приняла капитуляцию и обязалась передать сдавшихся «в качестве военнопленных Германской Империи своему непосредственному начальству в Москве. Обязалась сохранить вместе с тем «вооруженный нейтралитет» до получения решения из Москвы. По требованию советской власти лейт. Балк передал, однако, «пленников Германской Империи» большевикам. (Эти данные отчасти можно найти и не только в «Красной Книге ВЧК» – см., напр., Al. Raquet «Im kommunistischen Russland». Iena 1919).

Стр. 30. Рассказывая о начале борьбы с большевиками в Сибири, автор излагает историю всесибирского съезда «революционных демократических организаций», постановившего создать сибирскую Областную Думу. По-видимому, источником для автора является только устаревшая книга Гинса «Сибирь, союзники и Колчак». Во всяком случае изложение очень неточно. Напр., автор говорит: «состав этой думы был намечен левый – от советов, фронтовых и профессиональных организаций без участия представителей буржуазии».

Если бы П. Н. Милюков взял хотя «Хронику гражданской войны в Сибири 1917–1918 г.г.», составленную Максаковым и Труновым и изданную в 1926 г. он нашел бы в ней документы прежде всего о составе делегатов на общесибирском съезде, на котором присутствовали представители земских и городских самоуправлений, кооперативов, национальных организаций, казачьих войск, высших учебных заведений. Нельзя же все это представительство зачислить в состав представительства профессионального? Между прочим, по политическим воззрениям двое делегатов принадлежали к партии народной свободы, т. е. к «буржуазии». В Сибирской Думе (ее представительство соответствовало представительству на съездах) отсутствовали цензовые элементы, как таковые, т. е. не послали своих представителей всякого рода торговые и промышленные объединения. Это не совсем то, что говорит П. Н. Милюков.

В марте, по проекту всесибирских съездов, должно было собраться всесибирское Учредительное Собрание. До него вся полнота власти в Сибири передавалась Областной Думе и ответственному перед ней Совету. Созыв Думы в теории не являлся актом антибольшевицкой акции, как утверждает Милюков, ибо большевики на предварительном съезде участвовали, как равноправная сторона. Главенствовала на съезде эс-эровская фракция: из 155 делегатов 92 принадлежали к эс-эровской фракции, 27 к эсдековской, 11 к нар.-социалистической и т. д. Дума и Совет должны были явиться коалиционной властью, но только социалистической, от «народных социалистов до большевиков». Но когда 7 января Областная Дума собралась, состав ее был неблагоприятен для большевиков: из 93 делегатов, прибывших в Томск, 56 заявили себя эс-эрами; 10 – нар. социалистами, 12 беспартийными, 1 – к. д.; социал-демократов всех разветвлений было всего 5 человек. Поэтому большевики и выступили против Областной Думы. У П. Н. Милюкова и на последующих страницах изложение только приблизительно соответствует действительности.

Стр. 40. «Потеряв надежду на единение русских партий, германцы затем круто переменили фронт, выдали большевикам военные дружины правого центра и настояли на аресте центрального комитета партии к. – д., как военной организации», субсидируемой французами. Откуда взял это автор? В такой постановке дело, конечно, не соответствует действительности. Между прочим, Ц. К. партии к. – д. объявлен был вне закона еще в конце ноября 1917 г. и тогда, после «демонстрации» 28 ноября в честь Учредительного Собрания, были арестованы Кокошкин и Шингарев.

Стр. 41 и др. Неточно сообщен состав Директории, намеченный в Москве. Здесь вообще имеются расхождения у мемуаристов. Но так, как излагает Милюков, не излагает никто из мемуаристов. Были де выбраны Авксентьев (зам. Чайковский), Астров (Виноградов), Болдырев (Алексеев). В частности, кандидатура к. – д. Виноградова, выставленная в Уфе, просто не могла возникнуть в Москве. Эти неточности тем более непонятны, что на Ясском Совещании именно П. Н. Милюкову было поручено изложить историю образования единой всероссийской власти. И в своем докладе Милюков как раз доказывал, что Уфимское Совещание нарушило московское соглашение, между прочим, тем, что ген. Алексеев был избран лишь заместителем Болдырева.

Стр. 41. Совершенно не соответствует действительности указание на то, что при осуществлении плана «Нац. Центра» и «Союза Возр.» на Волге

«получили перевес социалисты-революционеры крайне левого типа Чернова». Самарский Комуч возник скорее в противовес плану «Нац. Центра» и «Союза Возрождения».

Стр. 42. П. Н. Милюков подчеркивает «демократические начала», на которых была организована волжская армия – те самые, «которые разложили русскую армию времен февральской революции». Сами с. – р. как раз полковника Галкина, организатора «народной армии», обвиняли в противоположном. На этих страницах вообще все только приблизительно соответствует действительности: и численность волжской армии и ее действия. (Ср., напр., с изложением Болдырева). «Комуч» не объявлял себя «всероссийской властью». Самарское правительство, по выражению Аргунова, считало себя «эмбрионом» всероссийской власти.

Стр. 42 Едва ли можно сказать, что союзническая помощь на Урале и на Волге «не только не приходила, а «вообще не имелась в виду». Post factum все становится яснее. Но в то время не только русским, но и своим военным агентам, представители Антанты давали другие указания. Напр., полк. Пишон в «Monde Slave» (1925 г., январь, стр. 13) рассказывает, что Нуланс для осведомления всех французских военных агентов в России сообщил, что «интервенция» союзников решена на июнь – агентам предписывалось всячески воспрепятствовать отправке чешских войск во Владивосток. Историк Милюков (на стр. 55) утверждает, что создание «восточного фронта» было фантазией», которой можно было «тешить незнакомых с военным делом политиков», а военный стратег ген. Корнилов держался противоположных взглядов.

Стр. 46. Говоря об увольнении военного министра Сибирского Правительства Гришина-Алмазова, автор объясняет это происками с. – р., которые были недовольны воззванием Гр.-Алмазова, в котором он «открыто развивал идеологию борьбы сибирской армии на новом русско-германском фронте». Непонятно. Болдырев поясняет, что Гр.-Алмазов на банкете в Челябинске высказал много «лишних, резких, но по существу правдивых обвинений по адресу союзников». Это и вызвало негодование последних.

Стр. 47. Очень неточно изложена роль к. – д. на Уфимском совещании, участие казаков и других политических групп. Достаточно указать, что Болдырев считает, что наиболее откровенно в пользу диктатуры и «диктатуры единоличной» высказался как раз представитель конст. – демократической партии. «Он откровенно наметил дорогу, приведшую к диктатуре Колчака».

Стр. 47. Чрезмерное значение придано вмешательству чехов в распри

русских общественных группировок при вопросе о создании Всероссийской власти. Еще в Самаре один из виднейших вождей Народной Армии, полк. Каппель, от имени армии «почти ультимативно заявил ген. Болдыреву о необходимости немедленного общего и политического объединения». На уступки «левого» сектора в период Уфимского Сопещания в значительной степени повлияло взятие Казани красной армией. Между прочим, характерно, что с. – р. Буревой в своей брошюре «Колчаковщина», изданной уже у большевиков (1919 г.), определенно говорит, что Самара «вынуждена была принять участие в Уфимском Сопещании».

Стр. 50. Допрос Колчака издан не под редакцией Каменева, а Попова, председательствовавшего в «суде» над Колчаком – при участии представителей с. – р. и с. – д. партий.

Стр. 53. Авксентьев не «соглашался», как утверждает П. Н. Милюков, предать авторов пресловутого воззвания Ц. К. с. – р. партии суду. Сам Авксентьев опровергал это в письме, напечатанном в «Последних Новостях». Ответ на требование Вологодского и Болдырева арестовать членов Ц. К. партии с. – р. В. М. Зензиновым был формулирован так: если судебные власти установят противогосударственность действий Ц. К., то он, Зензинов, выскажется за арест, «но при одном условии, если одновременно будут также арестованы и все виновные в противогосударственных деяниях справа, вроде, напр., офицеров, певших на днях в Красноярске и Омск «Боже Царя храни» при официальных встречах союзников» (добавим на банкетах). К этой точке зрения присоединился и Авксентьев. (Зензинов. «Госуд. переворот адм. Колчака». Париж. 1919).

Стр. 57–58. Очень характерно для «метода» П. Н. Милюкова суждение о «республиканизме» и «монархизме» генералов Алексева и Корнилова. Прежде всего противоречие. Если Алексеев «никогда не доходил до отрицания основных принципов революции», то Корнилов изображается «совершенной противоположностью во всех этих отношениях» (стр. 57). И дальше: «сам Корнилов искренне называл себя республиканцем». В примечании к стр. 58 говорится: «с некоторым удивлением я прочел в «Очерках» А. И. Деникина, что «среди политиканствующего привилегированного офицерства...» шли разговоры о «демократизме» Корнилова и о «монархизме» Алексева... Мои личные впечатления были противоположные и впредь до более убедительных доказательств я считаю данную в тексте характеристику – более правильной». Курьезно, что в 1924 г. в статье «Мои сношения с ген. Алексеевым» («Посл. Нов.» № 1214)

П. Н. Милюков писал: «Тогда (т. е. в мае 1918 г.) я считал Алексеева сторонником республики и более явным, чем Корнилов. По сообщению Деникина, я вижу, что ошибался». Эту

свою ошибку П. Н. Милюков мог бы увидеть еще и из письма Алексеева Родзянке 25 июля 1917 г., где он писал: «я сильно отстал и психологии деятелей нашей революции постичь не могу (т. V «Кр. Архива»; перепечатано в т. XVI «Арх. Рус. Рев.» Гессена).

Стр. 57. Откуда П. Н. Милюкову известно, что в составе офицеров, собравшихся на юге, было не менее 80 % монархистов? Это находится в противоречии с другими утверждениями исследователя.

Стр. 63. Автор говорит о политике Германии ввести в круг своих расчетов и Добровольческую Армию: «В мае, в первой половине июня эта надежда была особенно сильна, но и позднее германцы делали неоднократные предложения ген. Алексееву войти с ними в соглашение». Имеется здесь несколько ссылок на труд А. И. Деникина. Я не нашел у Деникина соответствующих указаний.

Там рассказано о настойчивых предложениях в мае со стороны П. Н. Милюкова и «Правого Центра». О позднейших (август-сентябрь) «неоднократных», предложениях германцев ген. Алексееву сказано: «о беседе Скоропадского с представителем Добровольческой Армии» (стр. 33) и о некоторых колебаниях ген. Алексеева в связи с докладом адм. Ненюкова «относительно возможности войти в соглашение с германским морским командованием по частному поводу включения наших коммерческих судов Новороссийского порта в общий план германских рейсов, организуемых немцами». Очевидно, П. Н. Милюков значительно преувеличил «надежды», которые были на осуществление его русско-немецкого плана.

Стр. 67. Здесь скорее я хочу задать лишь вопрос. Почему организатор на немецкие деньги «астраханского корпуса» кн. Тунчатов «авантюрист», а организатор так называемой «южной» армии (также на немецкие деньги) Акацатов не фигурирует в тексте с аналогичной квалификацией?

Стр. 69. Мы уже говорили, в августе монархический флаг в Добровольческой Армии пытались выкинуть не только реакционные элементы, и все попытки в этом отношении П. Н. Милюкова вызвали со стороны руководителей Добровольческой Армии противодействие.

Стр. 75. Конечно, нельзя сказать, что до перемирия 11 ноября 1918 г. «противники большевиков делились на два лагеря, резко противопоставивших себя друг другу: сторонников германской и сторонников антантовской ориентации». Были и другие точки зрения.

Стр. 78. «Добровольческая ортодоксия не допускала ни малейшего отклонения от принципа «единой и неделимой» в пределах 1914 (без Польши) России – и тем отталкивала не только сепаратистов, но и умеренные автономистические группы, стоявшие за федерацию». И что же здесь вновь «кадеты» были только ширмой, и чрезмерная; «всероссийская» ориентация Добровольческой Армии происходила исключительно под влиянием «правых элементов»? А. И. Деникин в V т. «Очерков» приводит заявление к. – д. Харламова на партийной конференции 29 июня 1919 г.: «На конференции в Ростове мы определенно заявили, что федерализм не применим в России. Это книжная, надуманная схема и процесс объединения идет мимо нее». Если признать, согласно Милюкову, тактику добровольческого командования ошибочной в национальных вопросах, то придется признать правильным утверждение с. – р. Покровского в тенденциозной книге «Деникинщина» (изд. Гржебина 1923 г.), что «злым гением Добровольческой Армии», идеологом и вдохновительницей военной диктатуры была партия, в которой так долго безоговорочно лидерствовал П. Н. Милюков (Ср. соответствующие записи о роли кадетов и о федералистических взглядах Милюкова в дневнике М. С. Маргулиеса «Год интервенции».).

Стр. 81. Совершенно искажает то, что было на Ясском совещании, утверждение Милюкова: «Делегации... не могли сговориться между собой об организации власти. Правые и центр выдвигали военную диктатуру, при чем правые настаивали на выборе вел. кн. Николая Николаевича, тогда как левые и центр предпочитали Деникина». «Левые» на диктатуру военную не соглашались и склонялись к признанию главнокомандующего Деникина, одним из членов Директории.

Стр. 85. Парижское политическое совещание 1919 г. никак нельзя характеризовать, как «совещание русских дипломатических представителей», ибо в него входил ряд общественных деятелей, никакого отношения к дипломатии не имевших, напр., шлиссельбуржец Иванов, Коновалов, Титов и др.

Стр. 94. Характеристику «негибкой» добровольческой идеологии в связи с попытками французов образовать местную власть в Одессе надлежит сравнить с соответствующими страницами V т. «Очерков» ген. Деникина. Картина получится иная. Если П. Н. Милюков в своих руках не имел еще V т. «Очерков» А. И. Деникина, то автор мог воспользоваться XVI т. «Арх. Рус. Рев.», где воспроизведены официальные сведения о взаимоотношениях вооруженных сил Юга России и представителей французского командования (очерк этот был издан в 1919 г. в

Екатеринодаре.). Эти сведения воочию показывают, что французское командование, действительно, «с трудом ориентировалось в создавшейся сложной обстановке на Юге России», что подчас служило тормозом в деле борьбы с большевиками (Ср. также данные в книге Гуковского «Французская интервенция на юге России 1918–1919 г. г.». Книга вышла в 1928 г., но отдельные ее главы печатались в «Пролетарской Революции».).

Стр. 105. Северо-Западное правительство не находилось в связи с «Политическим Совецанием».

Стр. 112. Архангельский переворот 2 августа был устроен не только офицерством, перебравшимся из Петрограда при содействии английской контрразведки, – участие принимало несколько сот организованных вологодской группой «С. Возрождения» крестьян-партизан.

Стр. 112. При содействии англичан – говорит Миллюков – было образовано «Верхнее Управление Северной Области». Оно было организовано без содействия англичан.

Стр. 112. Верховное Управление состояло не только из четырех с.-ров, членов Учредительного Собрания и Чайковского, ибо в него входили с самого начала к. д. Зубов и к. д. Старцев. Здесь повторяется лишь обычное утверждение правой эмигрантской печати, которое Н. В. Чайковский опровергал на страницах «Последних Новостей».

Стр. 115. «Неосуществимого» приказа Колчака – «раскассировать местное (архангельское) правительство» не было. Само Северное Правительство формально решило себя упразднить – фактически этого не произошло.

Стр. 118. Неверно утверждение, что решение продолжать борьбу с большевиками после ухода английского десанта с Севера проводилось штабом вопреки желанию фронтового офицерства и населения. Это не было решение только штаба.

Стр. 119. Также, неверно обобщение: «необходимость своевременного прекращения военной борьбы особенно живо чувствовалась в рядах демократических партий, но между ними и военным диктатором ген. Миллером не было никакой связи».

Стр. 119. Никогда «левые, объединенные в «Союз Возрождения», не отзывали своих членов из состава Северного Правительства.

Стр. 120. У автора нет никаких данных для того, чтобы приписывать ген. Миллеру безобразный инцидент, происшедший с с. – р. доктором Б. Ф. Соколовым при эвакуации Архангельска – его арест и высадка «во льдах Белого моря».

Стр. 124. Ген. Жанен прибыл в Омск с поручением «организовать

русскую армию и стать во главе ее». Но адмирал сам хотел быть «верховным главнокомандующим». Какой смысл вкладывает П. Н. Милюков в последнюю фразу? Момент только честолюбия? Если так, то мотивы неверны: это был «удар достоинству России» – замечает Болдырев. Колчак очень щекотливо относился к вопросу об «интервенции», в период гражданской войны, поэтому отверг даже помощь японцев.

Стр. 125. В примечании, касаясь полемики между Жаненом и ген. Ноксом по вопросу об участии англичан в перевороте 18 ноября, П. Н. Милюков механически ссылается на статью ген. Жанена («Monde Slaves 1925, апрель»), где «приводятся доказательства участия англичан в перевороте 18 ноября». Объективность требует сказать, что никаких реальных фактов ни ген. Жанен, ни другие представители французской военной миссии (напр. Дюбарбье «En Sibirie apres l'armistice»), не могли привести для доказательства, что Колчак является «une invention anglaise». Надо добавить, что миссия ген. Жанена прибыла в Омск за день до переворота.

Стр. 140. Здесь П. Н. Милюков упоминает об известной парижской майской декларации 1919 г. «русских левых и социалистических партий», за подписью Керенского, Авксентьева и других с.-ров, членов Учредительного Собрания, также представителей парижского Отдела Союза Возрождения и Республиканской Лиги. Во-первых, автору надлежало бы знать, что подпись парижского Отдела Союза Возрождения появилась в значительной степени по недоразумению и едва ли не явилась причиной распада парижского Отдела; во-вторых, надлежало бы указать, что майский документ вызвал решительное неодобрение на Юге со стороны членов «Союза Возрождения»; в-третьих, под так называемой «декларацией русских демократов» ни одной подписи социалистических партий нет; в четвертых «Республиканская Лига» была лишь иным выражением голоса тех же членов Учред. Собрания из партии с. – р., которые первыми подписали декларацию.

Стр. 145. Автор только формально излагает содержание известного меморандума, выпущенного в Иркутске 13 ноября. Никаких пояснений, никаких дополнений П. Н. Милюков не считает нужным сделать. Однако история, как таковая, не может считаться с посторонними соображениями сегодняшнего дня. Она действительно должна быть объективна, хотя бы в констатировании фактов. Всякое замалчивание неизбежно становится искажением истины. Материалы, ныне опубликованные (в том числе даже в избранной П. Н. Милюковым книге Субботовского) в советской России, требуют внесения существенных коррективов в чешский меморандум,

перекладывавший по политическим мотивам всю ответственность за теневые стороны деятельности чехов в Сибири исключительно на русские власти. Меморандум выражался сильно: «под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир... и мы, соблюдая полную лояльность, против воли своей становимся соучастниками преступлений». Можно привести немало фактов (см. напр., книгу Колосова, опубликованные большевиками официальные документы и тот дневник бар. Будберга, который любит цитировать П. Н. Милюков для характеристики «колчаковщины». А. В. Колчак считал даже «чеходом» бар. Будберга), ответственность за которые должны принять на себя и представители чешского войска – и в области незаконных «реквизиций» и в области административно – военного произвола

(с прямым даже нарушением существовавших русских законов). Беспощадна подчас была чешская контрразведка, решительны были действия командиров чешских отрядов, усмирявших повстанческие и иные выступления и т. д. Если говорить о моральной ответственности в эти дни гражданской войны, то ответственность во всяком случае должна быть общая.

Стр. 146. Со слов Гайды П. Н. Милюков рассказывает о попытке восстания во Владивостоке 18 ноября 1919 г. Русские источники могли бы дать нашему исследователю значительный материал для дополнения и исправления текста, составленного по материалам Гайды (Полезно сравнить воспоминания Гайды с интервью, который он давал в Шанхае после неудачного восстания.). Поднимал восстание, в сущности не Гайда, а соц. -революционеры – областники. С бывш. председателем сибирский областной думы Якушевым Гайда обсуждал не только «идею переворота» (а раньше с Колосовым). В приложении к дневнику Болдырева напечатана переписка, которая велась с Болдыревым, Якушевым и Павловским Болдырева приглашали принять участие в заговоре и в той пяти-членной директории, которая намечалась. Болдырев воздержался от приезда во Владивосток из Токио, но до некоторой степени пытался безуспешно связать заговорщиков с «верхами Японии». Владивостокская эпопея действительно характерна для истории гражданской войны. Это история политической авантюры, где имена эсеровских деятелей переплетаются с чешскими политиками, союзническими дипломатами и военными агентами, интригующими атаманами и пр. Ген. Розанов, усмиряющий восстание, поднятое Гайдой, также оказался замешанным в предварительных переговорах о перевороте. Добавлю, в «бюро военных

организаций» в период восстания непосредственно участвовали коммунисты.

Стр. 160. Выступление японцев во Владивостоке, Хабаровске и в других городах 4–5 апреля автор изображает, как японскую оккупацию. П. Н. Милюков необычайно преувеличивает «расправу» японцев, «в течение недели». Между тем уже к 7 час. веч. 5 апреля работа правительства Приморской Земской Управы во Владивостоке восстановилась. Ген. Болдырев видит в выступлении японцев не захватные цели, а попытку ликвидации нарождавшегося на Дальнем Востоке большевизма и захвата власти со стороны «реакции» (стр. 334–335).

Стр. 175. Без оговорок нельзя сказать, что «после падения Колчака большевики свергли во Владивостоке 31 января 1920 г. власть ген. Розанова». «Победители-большевики, опасаясь японцев, и здесь должны были прикрываться обличим демократизма»... «Японцы, принявши закулисное участие в перевороте 31 января, тоже не решились выступить открыто». Ген. Болдырев, непосредственный наблюдатель событий, между прочим, отмечал в своем дневнике: «всем как будто бы дирижируют американцы». Влияние большевиков в Народном Собрании действительно было обеспечено созданием «единого социалистического фронта».

Стр. 183. «Несоциалистический съезд» во Владивостоке П. Н. Милюков характеризует исключительно, как рупор монархистов. Между тем представители партии к. – д. (и в частности, член Ц. К. Кроль и В. А. Виноградов – бывш. член Директории, были одно время лидерами этого блока). У «правых» не было вовсе определенного большинства в «Народном Собрании», собравшемся в июле 1921 г.

(ср. рассказ Болдырева, входившего в «демократический союз» и противника «несоциалистического» блока).

Стр. 223. Характеристика политики Врангелевского правительства чрезмерно сгущена в своих отрицательных тонах: «левая печать была закрыта, левые общественные деятели, не только социалисты, но и умеренные либералы отдалены и загнаны в подполье» (?). Как могла тогда партия к. – д. и, в частности, П. Н. Милюков, поддерживать правительство ген. Врангеля до оставления Крыма?

Стр. 235. Неверно и тенденциозно изложена история возникновения «Русского Совета» в Константинополе, куда «не вошли казаки и прогрессивные политики». С агитацией о сохранении армии и пр. выступили не только Марков II и Трепов в союзе с Бурцевым, Алексинским и Долгоруковым. Представителем «Пол. Об. Комитета» в Константинополе был П. П. Юренев и за его подписью было напечатано

воззвание. Недаром кн. П. Д. Долгоруков на майском совещании 1921 г. партии к. – д. «Русский совет» назвал «кадетским детищем».

Стр. 244. Характеризуя парижский Национальный съезд, П. Н. Милюков говорит: «участие правых к. – д. (Набоков, Карташев, Федоров) сообщило этому съезду либеральную внешность. Следовало бы указать, что в организационном комитете участвовали, напр., С. А. Смирнов, Н. В. Тесленко, которых Милюков не относит к числу «правых кадет».

Стр. 268. С. С. Маслов – представитель «Крестьянской России», вовсе не «принадлежал к составу изгнанных из России интеллигентов»...

Однако, не довольно ли перечислений «неточностей», взятых для примера из разных глав исследования П. Н. Милюкова? Такая работа слишком скучна и малопродуктивна для критика. Я вынужден был это сделать, отчасти для того, чтобы избежать упреков и голословности. Едва ли могут быть они теперь сделаны. Я не изучал скрупулезно всех страниц «России на переломе», но ясно, что количество «неточностей» может быть значительно увеличено. Вероятно, несколько по другому изложил бы ход декабрьских и январских событий 1920 г. в Иркутске (стр. 149–153) П. Н. Милюков, если бы познакомился с большевицкими материалами об иркутском восстании. Последние дни колчаковской власти исследователь излагает только по Гинсу (Книга проф. Гинса – книга хорошая и объективно написанная, однако, в некоторых своих частях по материалу уже устарела. Ценность этой первой работы о гражданской войне в Сибири лежит в мемуарной стороне повествования. Однако, и здесь П. Н. Милюков мог бы почерпнуть сведения, подтверждаемые последующими работами.).

Недостаточно познакомившись даже с эмигрантской литературой (и ссылок на нее мало), П. Н. Милюков, по-видимому, не представляет себе, что существует, напр., как бы стенографическая запись тех переговоров, которые вели колчаковские министры с делегатами Политического Центра при посредничестве представителей иностранных держав.

Стоит далее просмотреть более внимательно страницы, посвященный дальневосточным событиям в годы гражданской войны, для того, чтобы наглядно увидеть, что количество «неточностей» может быть сразу преумножено. Рассказывает об этих событиях исследователь по газетным сообщениям, по записям, сделанным из воспоминаний Кроля, но если бы он обратился к существующей литературе (хотя бы только к дневнику и воспоминаниям ген. Болдырева, – есть и другой материал), то почувствовал бы необходимость ввести ряд весьма значительных коррективов. Этому периоду П. Н. Милюков посвящает

непропорционально много места по сравнению с другими главами. Здесь – говорит исследователь – «мы имеем возможность наблюдать единственный случай эволюции правых элементов белого движения у власти до того логического конца, до которого в Европе это движение дошло уже только в эмиграции. Владивостокский опыт наглядно иллюстрирует, чем могло бы сделаться белое движение, если бы удалось произвести реставрацию на большем пространстве, чем маленький клочок Приморья». Все это построение чрезвычайно искусственно... Здесь публицистическая тенденция действительно исказила восприятия прошлого. Прежде всего трудно найти что-либо общее между тем, что мы наблюдали на юге, и тем, что происходило в специфической обстановке Владивостока, Читы и т. д. Перед угрозой японской «оккупации» на Дальнем Востоке рождалась особая форма национализма, приводившая, в конце концов, к сотрудничеству «буржуазных» элементов с коммунистами.

Пресловутая идея «буферных государств», родившаяся в рядах сибирского комитета партии с. – р., была тем обманчивым миражем, который увлекал некоторые антибольшевицкие силы. И не всегда общественные явления на Дальнем Востоке могут быть расценены с точки зрения только демократизма и реакционности, ибо в психологии «демократии» подчас отсутствовали подлинно демократические начала. Вот яркий пример. «Меркуловское» народное собрание во Владивостоке 4 апреля 1921 г. большинством 45 голосов постановило довести до сведения конференции в Генуе:

- 1) «что советское правительство не может быть представителем России и русского народа,
- 2) что договоры большевицкого правительства от имени России не могут быть обязательны для русского народа,
- 3) что восстановление России невозможно при существовании правительства Советов и при отсутствии в России демократического порядка».

По словам ген. Болдырева, демократический союз воздержался от голосования, «не желая подталкивать торгующиеся в Генуе стороны на большие требования к России». Не участвовали в голосовании «горячо возражавшие против протеста кадет Кроль и фракция левых крестьян». Кроля не стал бы поддерживать в данном случае, и творец так называемой «новой» демократической тактики в эмиграции: П. Н. Милюков долгое время горячо ратовал против какого либо признания советской власти и следовательно должен был бы примкнуть к большинству владивостокского

собрания.

Я не касаюсь тех многочисленных «неточностей», который имеются в книге П. Н. Милюкова в силу недостаточности материала, имевшегося в распоряжении исследователя в период написания работы. Напр., более внимательное рассмотрение соответствующих страниц, посвященных событиям на северном фронте в связи с изучением архивного материала и литературы, появившейся уже в 1927 г. (напр., воспоминания ген. Марушевского об Архангельске в «Белом Деле»), обнаруживает много ошибок у автора, но я говорю лишь о том, что автор мог почерпнуть в литературе, существовавшей уже к моменту появления его книги.

Стоит только проследить «неточности», имеющиеся в первом томе исследования П. Н. Милюкова на страницах, которые повествуют о революции до октябрьского переворота, как вырастает еще более цифра отмеченных «неточностей». И здесь, как мы отчасти видели, П. Н. Милюков новой литературы не знает.

Приведу лишь один пример. П. Н. Милюков верит (I, стр. 77–78) «заявлениям, данным большевицкими вождями в связи с следствием над ними, что они употребляли все усилия, чтобы предупредить уличное выступление 3 июля» (1917 г.). Это совершенно не соответствует действительности, как определено явствует из материалов, ныне опубликованных самими большевиками. Эти материалы целиком подтверждают слова А. Ф. Керенского («Из воспоминаний», «Совр. Зап.», XXXVII): ..."игра большевиков в невинность имела свою целью прикрыть отступление на случай неудачи восстания».

И «на самом деле, вся организация вооруженного восстания на 3-е июля была подготовлена в главной квартире большевицкого Центрального Комитета» (В показаниях Керенского по делу Корнилова имеется свидетельство даже о том, что о готовящемся выступлении большевиков в сущности знал германский военный штаб. Характерно, что в «Истории революции» сам П. Н. Милюков июльские дни называет «восстанием» – «первой пробой» большевиков.). Если верить заявлениям большевиков перед выступлением, то и в октябрьские дни они ничего не подготавливали. Так, в Петербурге 24 октября появилось оповещение В. Р. К-та о том, что «вопреки всякого рода слухам и толкам» Воен.-Рев. Комитет «существует отнюдь не для того, чтобы готовить и осуществлять захват власти, но исключительно для защиты интересов петроградского гарнизона и демократии от контрреволюционных посягательств». После, вероятно, много раз большевики посмеивались над тем, как они пытались морочить головы наивным обывателям.

VI. К истории эмиграции

Последняя часть исследования П. Н. Милюкова посвящена «белому движению за границей» – русской эмиграции. Эту часть работы все критики (за исключением г. Неманова в «Последних Новостях») признали тенденциозной здесь политик сегодняшнего дня совершенно заслонил собой историка. Умолчание на этих страницах подчас совершенно коверкает историческую перспективу – не достаточно ли указать на то, что в исследовании П. Н. Милюкова вы не найдете даже отметки тех взглядов левого сектора русской общественности за границей, которые выразились в форме так называемых нинистов («ни Ленин, ни Колчак» и т. д.) Между тем в истории гражданской войны нинисты сыграли весьма отрицательную роль в смысле ослабления антибольшевицкой позиции западноевропейской демократии.

Последние страницы характеристики «политической эмиграции» (излюбленный П. Н. Милюковым термин, могущий вызвать оспаривание) особенно характерны для приемов исторического исследования П. Н. Милюкова. Они написаны специально *ad maiorem gloriam* «милюковщины» – благозвучный термин, пущенный в оборот в работе, претендующей на научный характер, самим автором в отношении своих политических противников. У него имеются специальные подзаголовки: «пешехоновщина» и «мельгуновщина». Таким образом, как бы узаконена авторитетом исследователя новая научная терминология. В свое время не раз я протестовал печатно против терминов «керенщина», «деникинщина», «колчаковщина» в исторических работах, протестовал против как бы излишней персонификации исторических явлений. Под пером П. Н. Милюкова выросла еще и «мельгуновщина», представленная в весьма своеобразном виде «мельгуновщина», препарированная по своему вкусу пристрастным политиком Милюковым. Я не буду исправлять тех «неточностей», которые имеются у П. Н. Милюкова в изложении так называемой «мельгуновщины» – это будет уже скорее политическим спором. П. Н. Милюков мог бы оспаривать все мои положения, мог бы их осмеивать, если у него была на то охота, и пр., и пр., но он должен был прежде всего изложить мои тезисы в соответствии с подлинником, а не редактировать их по своему усмотрению. Получилось нечто, в значительной степени измышленное лидером «республиканско-демократического объединения» в эмиграции.

Все эти страницы исследования П. Н. Милюкова столь однобоки, что

почти на каждую строчку можно возражать – со стороны фактической. Они сводятся, как было указано, в значительной степени к апофеозу того течения, которое возглавляет сам П. Н. Милюков – немецкое издание и заканчивалось утверждением, что этому течению предстоит играть руководящую роль в будущей России. Сравнивая немецкое и русское издание, я все-таки чувствую маленькое «авторское» удовлетворение. К последним страницам русского издания П. Н. Милюков счел нужным сделать специальное примечание по поводу моей рецензии его труда на немецком языке: «я прочел эту рецензию только в конце напечатания этой книги и поэтому лишен возможности воспользоваться его (т. е. Мельгунова) указаниями – с большей частью которых, впрочем, я и не мог бы согласиться». Но в действительности как раз в ту схему деления политической эмиграции, против которой я возражал, внесены существенные коррективы и устранено то, что являлось крайним пределом политической скорее какой-то сектантской тенденциозности: все прежние политические единомышленники П. Н. Милюкова, вся партия народной свободы, «вождем» которой он так долго состоял, за исключением той «республиканско-демократической» группы, которая выделилась в 1921 г. под главенством П. Н. Милюкова и в связи с провозглашенной им «новой тактикой», отнесена была к правому сектору эмиграции наряду с кирилловскими легитимистскими организациями. Этого нет уже в русском издании.

В немецком издании П. Н. Милюков в своей довольно произвольной классификации вводил наряду с признаком партийным и признак бытовых и профессиональных группировок. Так имелась у него особая группа «Die republikanisch demokratischen Berufsgruppen (?): Kosaken, Studenten, Offiziersverbände u dgl.». В правом секторе числились у него тоже: «Zahlreiche Berufsorganisationen die einen verschleierte monarchistische Charakter tragen» и т. д. Получалось совершенно недопустимое даже при элементарно-научной классификации. И это устранено П. Н. Милюковым в русском издании. Давая список существующих политических группировок, он уже оговаривается: «не введены также и многочисленные профессиональные организации, принявшие более или менее отчетливый (обыкновенно правый) политический оттенок, и организации казачества, студенчества и офицерства, распределяющиеся частью между группами правого, частью между группами центрального сектора».

Таким образом, казаки, студенты не зачислены целиком в группы республиканско-демократические, а отнесены даже частью в правый сектор. Надо думать, что П. Н. Милюков не будет отрицать того факта, что

из этих «профессиональных» группировок вербуются и члены левых политических групп. Если выделяются «студенты», то надлежало бы исследователю упомянуть и «рабочих». Бытовые группы казаков никак нельзя ставить в один ряд со студентами и прочими профессиональными группировками. Куда, напр., автор отнесет в своей классификации, идущей «от крайне левого крыла к крайне правому», самостоятельные течения в казацкой среде?

Искусственные схемы чрезвычайно опасны и во всяком случае, нужна в них исключительная точность. Остановимся несколько на «политической классификации» эмиграции, которую устанавливает П. Н. Милюков, поясняя ее даже особой наглядной табличкой.

Левый сектор, по Милюкову, представлен:

1) социалистами-интернационалистами – крайними левыми обеих социалистических партий с. – д. и с. – р., делившими власть в начале большевицкой диктатуры,

2) социал-демократами и социалистами – революционерами официальных партий с. – д. и с. – р., имеющими своим органом «Социалистический Вестник» и «Революционную Россию».

Для меня совершенно непонятно, кого П. Н. Милюков имеет в виду теперь в эмиграции под именем соц. демократов интернационалистов? Я таких не знаю не только в эмиграции, но и в самой России. Куда относит классификатор анархистов? Ясно, что в эту основную группу надлежит отнести коммунистов и всех их приспешников до всякого рода сменовеховцев включительно.

Затем идет центральный сектор – социалистической и несоциалистической демократии, объединенный республиканской идеей. (По мнению П. Н. Милюкова, «для настоящего времени именно республиканизм является лучшей гарантией истинного демократизма». Утверждение это в теории, конечно, более, чем сомнительно. Большевики, формально облаченные в республиканскую тогу, являются самыми решительными антидемократами. А. Ф. Керенский в 1917 г. именовал сторонников ген. Корнилова представителями «республиканской реакции» – термин, быть может, мало подходящий к так называемому корниловскому движению, но реально возможный в политической классификации. В противоположность Милюкову, В. А. Мякотин, представитель социалистического течения, не зараженный (во всяком случае во мнении П. Н. Милюкова) теми «политическими тенденциями», которые определяют собой сущность «мельгуновщины» в эмиграции, на парижском докладе «Родина и эмиграция» (январь 1926 г.) признавал, что

водоразделом в объединении для борьбы с большевицкой тиранией должно служить признание народной воли, а не формальный признак «республиканизма» и «монархизма».).

Здесь классификатор устанавливает следующие группировки: 1) «правое течение внутри с. – д., взгляды которого представлены статьей Гарви в «Проблемах революции», и группа с. – р., объединившаяся около издания «Современные Записки». 2) «Внепартийные» (?) социал-демократические течения – «Единство» (Плеханов, Потресов) и «Заря», 3) Народные социалисты. 4) Республиканско-демократическая группа партии народной свободы. 5) Республиканско-Демократическое Объединение. 6) Крестьянская Россия. 7) Центральная группа партии народной свободы и 8) отчасти Нац.-прогрессивное и демократическое объединение Юго-Славии.

В сущности, сколько допущено здесь произвольности в расстановке политических группировок. Никакого «правого течения» среди с. – д. «официальных» нет, во всяком случае, нет течения, принявшего те или иные организационные формы. Что значит «течение», представленное статьей Гарви? Как часто покойный Аксельрод в статьях по партийной тактике резко расходился с Мартовым и другими «официальными» представителями с. – д. партии и в то же время оставался в рядах последней. Далее, кто в эмиграции представляет «социал-демократическое течение «Единство»? Плеханов умер, а Потресов никогда не был членом группы «Единство». Историк революции и активный политик обязан это знать. Неясна и группа с. – р., объединившаяся около «Дней», и персонально не совпадающая целиком с группой, объединившейся около «Современных Записок»? Центральную группу партии народной свободы, в 1926 г. в немецком издании зачисленную Милюковым скорее в правый монархически сектор, или вернее занимавшую промежуточное положение, в русском издании, через несколько месяцев, автор относит к республиканским группировкам. Когда они самоопределились в этом отношении? (В 1917 г. все к. – д, на съезде, как мы знаем, приняли республиканскую программу, и первым отказался от нее в 1918 г. П. Н. Милюков).

Народных социалистов П. Н. Милюков склонен распределить по всем трем секторам, а в своей наглядной табличке просто устраняет их, как группу несуществующую. Непосредственно к правому сектору относятся: 1) Правое крыло партии народной свободы, 2) Объединение нац.-прогрессивное и демократическое в Юго-Славии (отчасти).

3) Национальный комитет, 4) Центральное Полит. Объединение (в

скобках ставится – торгово-промышленный союз, что не соответствует действительности), 4) Русское патриотическое объединение, 5) Высший Монархически Совет, 6) Кирилловские организации.

Из приложенной к тексту таблички недействующие группы исключены: правые к. – д. и народные социалисты. Я не буду возражать. Но получается курьез: действительно не существующие в эмиграции группы «Единство» и «Заря» в схему вводятся, а все же организационно существующие группы народных социалистов отсутствуют.

П. Н. Милюков делает оговорку, что он в свой список не включает мелкие и смешанные группы, число которых постепенно увеличивается, но существование которых более или менее эфемерно, а политическое значение не выходит за пределы политических клубов. Очень субъективна при таких условиях будет классификация. По мнению Милюкова, самой многочисленной и действенной организацией будет Республиканско-Демократическое Объединение, а по моему, группы содействия «Борьбе за Россию». Вероятно, евразийцы признают наиболее организованной свою группу – об евразийцах П. Н. Милюков почему то вовсе умалчивает, как и о коалиционных группах «Борьбы за Россию» и т. д., и т. д. Все, не предпрещающие формы правления, отнесены Милюковым к числу скрытых монархистов. Почему?

Сложное дело разбираться в русских политических группировках и в особенности в эмиграции. Слишком различны наши восприятия происходящего очень трудно подвести их под старые трафареты, которые подчас только искусственно держатся в жизни. Сохранились формы, а содержание их весьма различно. По мнению П. Н. Милюкова, народные социалисты не партия, а скорее политический клуб, а для меня отдельные группировки социалистов-революционеров при формальном единстве между собой ничего общего не имеют.

И если бы П. Н. Милюков писал свою работу в 1927 г., ему пришлось бы особо выделить черновскую группу и Лигу народов Востока. (Кстати, хорошо, что в русском издании устранены указания на то, что нар. соц. являются разветвлением партии с.-ров. Это более, чем неточно). Эфемерными оказываются и новые политические объединения. Когда писал свою работу П. Н. Милюков, существовал Республиканско-Демократический Союз – милюковской к. – д. группы и Крестьянской России. Весьма преувеличивая, рассказывает об этом Союзе П.Н. Милюков в «России на переломе», а когда пишутся эти строки – нет уже Союза. Распалось почти берлинское Респ.-Демократическое Объединение. Умирает парижское и пр., и пр. В единых рядах «милюковцев»

значительный раскол на почве так наз. «активизма» в эмиграции.

Таковы, по крайней мере, мои субъективные впечатления – и они, вероятно, не более субъективны, чем выводы и заключения при классификации «политической эмиграции» у П. Н. Милюкова.

Мои базируются, по крайней мере, на фактах. Слишком часто этих фактов нет в исследовании, критике которого посвящены настоящие страницы.

VII. Вместо заключения

Едва ли нужно даже делать какое либо заключение. Если по отношению к немецкому изданию исследования П. Н. Милюкова я в достаточно мягкой форме говорил, что «при издании на русском языке своей новой книги П. Н. Милюкову надлежит внимательно просмотреть главу о гражданской войне, написанную слишком наспех», то в отношении переработанного русского издания, я имею право повторить то же, лишь с большей категоричностью. Экономическую часть работы Милюкова С. Н. Прокопович признал в значительной степени неудовлетворительной. Главы, посвященные истории гражданской войны, часто, очень часто, не могут быть признаны удовлетворительными. В сущности, надлежало бы теперь знать отзыв государствоведа о третьей части «России на переломе». Может быть, и там не все так благополучно, как кажется это лицу, не достаточно осведомленному в области специальных знаний.

П. Н. Милюков в предисловии к русскому изданию счел нужным сказать: «Я не могу жаловаться на прием, оказанный немецкому изданию германской критикой. Германская наука проявила в ней ту солидность, основательность, знание дела, которые ей свойственны». Немецкие критики, по словам Милюкова, отмечали объективность автора.

Отдавая должное «основательности» немецких ученых, все же можно усомниться в компетентности их суждений в вопросах, касающихся русской революции и гражданской войны.

У нас самих еще слишком мало критически проверенного и проработанного материала. Для нас самих не все еще ясно в той сложной обстановке, при которой протекала не отошедшая еще вполне в историю страница нашего недавнего прошлого. Закончу своими словами из отзыва на немецкое издание книги П. Н. Милюкова.

Точность фактов – писал я – «особенно нужна в историческом труде, предназначенном для иностранца. Здесь неизбежно имя автора должно встретить доверие; здесь не может быть достаточной критики в силу незнания фактической стороны вопроса и неумения разобраться в сложных и запутанных подчас контрверсах русской общественности. Нам недавно еще приходилось указывать на примере работы д-ра Rimscha «Die russische Emigration», как трудно даже добросовестному иностранцу-исследователю разобраться, напр., в разветвлениях нашей эмиграции. Не думаю, чтобы немецкий читатель получил и теперь, прочитав труд П. Н.

Милюкова, вполне должное представление о политических группировках в эмиграции, ибо схемы, преподнесенные автором, верно отражающие, очевидно, его личные представления и, во всяком случае, его политические выступления, во многом очень далеки от соответствия с наблюдаемой нами действительностью.

Вряд ли немецкие ученые могли действительно критически отнестись к тексту «России на переломе». Может быть, серьезный немецкий читатель не обратит внимания на то, что д-р Римша сделал, например, Керенского лидером российской социал-демократии, но для всякого малообразованного русского читателя такое утверждение будет звучать смешно.

В книге П. Н. Милюкова, конечно, нет lapsus'ов, подобных тому, который только что был отмечен, но в ней действительно очень много, как мы видели, «немотивированных неточностей» и ошибок. И если некоторые из них объясняются недостаточным знанием литературы предмета, то другие вытекают из предвзятости историка. Милюков-политик – причем политик сегодняшнего дня грубо заслонил Милюкова-историка.

В истории он хочет найти оправдание своей современной политической позиции. А для того, чтобы история служила этой цели, он иногда фальсифицирует ее, покрывая пеленой забвения то, что неприятно вспомнить творцу «новой тактики» в эмиграции.

Если А. Ф. Керенский «Историю революции» П. Н. Милюкова с известным преувеличением назвал «стилизацией под вкус правой реакции», то новую книгу о гражданской войне можно, пожалуй, с большим правом назвать уже скорее стилизацией под вкус «левой» эмиграции – по крайней мере того ее сектора, который в общем примыкает ныне к политической позиции П. Н. Милюкова.

Содержание

Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова	1
Сергей Петрович Мельгунов	
От автора	2
I. История или воспоминания	3
II. Схема гражданской войны	9
III. Идея диктатуры	19
IV. Литература предмета	32
V. «Неточности»	54
VI. К истории эмиграции	72
VII. Вместо заключения	78